Наследница

Автор:
Кира Касс

Наследница

Кира Касс

Lady FantasyОтборПринцесса Идлин #1

Америка Сингер была той единственной, которой принц отдал сердце и корону в придачу.

Двадцать лет пролетели как один день. У счастливой супружеской пары королевы Америки и короля Максона выросла дочь Идлин, будущая правительница Иллеа. Принцесса красива и умна, но и слышать не хочет о замужестве. Однако особы королевской крови не принадлежат себе. За стенами дворца неспокойно, и король, чтобы отвлечь подданных, решает снова устроить Отбор, подобный тому, что соединил его с королевой. И скрепя сердце Идлин соглашается участвовать в Отборе, надеясь, что каким-то чудом найдет свое счастье…

Впервые на русском языке!

Кира Касс

Наследница

Джиму и Дженни Касс по многим причинам, но в основном за такого прекрасного мужа, как Каллауэй

Kiera Cass

THE HEIR

Copyright © 2015 by Kiera Cass

All rights reserved

© О. Александрова, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

Глава 1

Я не могла задержать дыхание на семь минут. Не могла задержать и на минуту. Однажды я попыталась пробежать милю за семь минут, ведь некоторые спортсмены преодолевают ее за четыре, но на полпути у меня закололо в боку, и я сошла с дистанции.

И тем не менее одну вещь мне удалось сделать за семь минут, причем весьма убедительно. Я стала королевой.

Я родилась раньше своего брата Арена на каких-то семь минут, а потому трон, который должен был достаться ему, стал моим. Родись я поколением раньше, это не имело бы значения. Поскольку Арен был мужского пола, в то время он автоматически стал бы наследником.

Но, увы, мама с папой не могли пережить, что их первенца лишат титула только из-за наличия бюста, хотя и весьма симпатичного. Итак, они поменяли закон, и народ ликовал, а меня стали готовить к роли новой правительницы Иллеа.

Но чего родители точно не поняли, так это того, что их стремление восстановить по отношению ко мне справедливость лично я сочла очень даже несправедливым.

Я старалась не жаловаться. Ведь, помимо всего прочего, я понимала, насколько мне повезло. Но были дни, а иногда и месяцы, когда мне казалось, что на меня возложили слишком тяжелое бремя, реально тяжелое для одного человека.

Пролистав газету, я обнаружила, что в стране вспыхнули очередные беспорядки, на сей раз в Зуни. Двадцать лет назад папа, вступив на трон, первым же указом ликвидировал касты, и уже на моей памяти старая система медленно, но верно себя изживала. Да, я по-прежнему считаю крайне экстравагантным то, что в свое время люди жили с обязательными, хотя и весьма условными знаками в виде цифр на спине. Мама была Пятеркой, а папа – Единицей. Смысла в этом не было никакого, особенно с тех пор, как не стало никаких внешних признаков разделения на касты. Откуда мне знать, иду я за Шестеркой или Тройкой? И неужели это вообще так важно?

Когда папа своим первым декретом отменил касты, народ по всей стране ликовал. Папа рассчитывал на то, что вводимые им изменения будут постепенно внедряться в сознание уже нынешнего поколения жителей Иллеа, пока в один прекрасный день все не образуется.

Но этого не случилось, и новые беспорядки стали очередным звеном в цепи событий, свидетельствующих о растущем напряжении в обществе.

– Кофе, ваше высочество, – сказала Нина, поставив напиток на стол.

– Спасибо. Можешь забрать тарелки.

Я внимательно изучила заметку. На сей раз был сожжен дотла ресторан, и все потому, что его хозяин отказался сделать официанта шеф-поваром. Официант утверждал, что повышение ему было твердо обещано, а обещание не выполнено исключительно из-за прошлого его семьи.

Глядя на обугленные остатки здания, я, если честно, не знала, на чьей я стороне. Хозяин был в своем праве кого угодно повышать или увольнять, а

официант – не позволять смотреть на себя как на человека, которого с формальной точки зрения больше не существует.

Я отодвинула газету и взяла свой кофе. Папа наверняка расстроится. Не сомневаюсь, он уже снова и снова прокручивает этот сценарий в голове, пытаясь прикинуть, как выправить ситуацию. Ведь вся проблема в том, что даже если бы мы и смогли урегулировать какой-то один вопрос, то наверняка не остановили бы все случаи посткастовой дискриминации. Слишком уж сложно было их отслеживать, да и повторяемость их явно возросла.

Я поставила чашку и направилась в гардеробную. Пора готовиться к новому дню.

– Нина! Ты не знаешь, где мое платье сливового цвета? Ну, то, что с шарфом через плечо?

Пришедшая мне на помощь Нина сосредоточенно скосила глаза.

Нина по большому счету была новенькой во дворце. Она прислуживала мне только шесть месяцев, сменив мою прежнюю служанку, из-за болезни выбывшую из строя на две недели. Однако Нина оказалась настолько расторопной и услужливой, что я решила оставить ее у себя. А кроме того, она отлично разбиралась в моде.

Нина заглянула в необъятную гардеробную:

– Может, нам следует устроить тут небольшую реорганизацию?

– Ради бога, если у тебя есть на это время. У меня сейчас другие заботы.

– Конечно, ведь я всегда отыщу нужное вам платье, – поддразнила меня Нина.

– Вот именно!

Мое веселое настроение тотчас же передалось Нине, и она со смехом принялась перебирать мои платья и брюки.

– Мне нравится твоя прическа, – заметила я.

– Благодарю.

Все служанки носили чепчики, однако Нина была крайне изобретательна по части причесок. Иногда ее личико обрамляли тугие темные локоны, а иногда она убирала закрученные пряди под чепчик. Сегодня у нее вокруг головы были уложены две толстые косы, а остальные волосы спрятаны под чепец. И мне реально нравилось, что она как-то по-особому подгоняла под себя форменное платье, каждый день смотревшееся по-новому.

– Ах! А вот и оно. – Нина перекинула через смуглую руку платье до колена.

– Отлично! А может, ты знаешь, где мой серый блейзер? С рукавом три четверти?

Она уставилась на меня во все глаза, хотя лицо ее оставалось бесстрастным.

– Нет, мне определенно придется провести реорганизацию.

– Вот и ищи, а я пока буду одеваться.

Я облачилась в платье и принялась расчесывать волосы, готовясь встретить очередной день в качестве будущей монархини. Наряд был достаточно женственным, чтобы смягчить мой образ, но в то же время довольно строгим, чтобы меня воспринимали всерьез. Весьма тонкая грань, на которой мне приходилась балансировать чуть ли не каждый день.

Посмотрев в зеркало, я обратилась к своему отражению:

– Ты Идлин Шрив. Тебе предстоит править нашей страной, и ты станешь первой девушкой, которой суждено делать это самостоятельно. И нет никого могущественнее тебя.

Папа уже сидел у себя в кабинете и, нахмурившись, переваривал последние новости. От папы я взяла разве что глаза, а от мамы – вообще ничего.

Темными волосами, овальным лицом и легким загаром, сохранявшимся круглый год, я больше походила на бабушку, чем на кого-то еще. Бабушкин парадный портрет в день коронации висел в коридоре четвертого этажа, и в детстве я частенько его рассматривала, чтобы понять, как буду выглядеть, когда повзрослею. На портрете бабушка была примерно того же возраста, что и я сейчас, и хотя мы не были на все сто процентов похожи, иногда я чувствовала себя ее точной копией.

Я прошла через комнату и поцеловала папу в щеку:

– Доброе утро.

– Доброе. Ты уже видела газеты?

– Угу. Но, по крайней мере, никто пока не умер.

– Слава богу.

Самыми неприятными были случаи, когда людей оставляли умирать на улице или они бесследно исчезали. Было просто ужасно читать о молодых мужчинах, избитых только потому, что они решили перевезти семью в более привлекательный район, или о женщинах, подвергшихся нападению из-за того, что осмелились претендовать на рабочее место, на которое прежде не имели права.

Иногда обнаружить мотив преступления и стоявшую за ним личность было проще пареной репы, хотя гораздо чаще мы только попадали пальцем в небо, не находя настоящих ответов. Если уж мне было невыносимо наблюдать за этим, то можно себе представить, каково приходилось папе.

– Нет, я отказываюсь это понимать. – Он снял очки для чтения и устало потер глаза. – Они ведь сами не хотели каст. Мы выждали, сколько положено, а затем постепенно ликвидировали кастовую систему, чтобы дать им возможность приспособиться к нововведениям. А теперь они жгут дома.

– А имеется ли хоть какой-нибудь способ все это урегулировать? Может, стоит организовать специальный совет для рассмотрения жалоб?

Я снова посмотрела на фото. Стоявший с краю сын хозяина рыдал над руинами ресторана, оплакивая потерянное имущество. Да, в глубине души я прекрасно понимала, что мы физически не сможем удовлетворить поток жалоб, как, впрочем, и то, что папа не сумеет сидеть сложа руки.

– Значит, ты поступила бы именно так? – посмотрел на меня папа.

– Нет, я спросила бы своего папу, как собирается поступить он, – улыбнулась я.

– Идлин, у тебя не всегда будет такая возможность, – вздохнул папа. – Ты должна быть сильной, решительной. Скажи, как бы ты, например, урегулировала данную конкретную конфликтную ситуацию?

– Не уверена, что мы можем хоть что-нибудь сделать, – подумав, ответила я. – Ведь невозможно доказать, что былая принадлежность к определенной касте стала причиной отказа в повышении по служебной лестнице. Единственное, что мы можем сделать, – начать расследование с целью выявления поджигателя. Семья потеряла средства к существованию, и кто-то должен за это ответить. Поджог не средство для свершения правосудия.

Папа печально покачал головой:

– Полагаю, ты абсолютно права. Я был бы рад, если бы мог им помочь. Но что самое главное, нам необходимо понять, как предотвращать подобные эксцессы в будущем. Ведь они случаются все чаще, и меня это пугает.

Сунув газету в корзину для мусора, папа встал и подошел к окну. Судя по его позе, он пребывал в крайнем напряжении. Хотя иногда та роль, что он играл в Иллеа, дарила ему море радости. Он любил, например, посещать школы, на благо которых неустанно трудился, или следить за процветанием населения в мирную эру, начало которой провозгласил. Однако такие моменты случались не так уж часто. В основном папа был глубоко озабочен состоянием дел в стране, и во время встреч с журналистами ему приходилось фальшиво улыбаться, дабы передать остальным чувство уверенности и спокойствия. Мама по мере сил пыталась разделить с ним бремя ответственности, и тем не менее нам всем начинало казаться, будто груз забот о судьбе родной страны буквально давит папе на плечи. А в один прекрасный день эту тяжкую ношу мне придется взвалить на себя.

И как это ни глупо, я уже начала опасаться, что поседею раньше времени.

– Идлин, будь добра, сделай для меня пометку. Напомни мне написать губернатору Харпену в Зуни. Да, и отметь, что писать надо Джошуа Харпену, а не его отцу. А то я постоянно забываю, что именно сын выиграл выборы.

Я записала его инструкции элегантной скорописью, представляя себе, как приятно будет папе увидеть мои записи. Ведь в свое время именно папа муштровал меня по части чистописания.

Улыбаясь своим мыслям, я повернулась к папе, но мое лицо моментально вытянулось, когда я увидела, как он растерянно трет лоб в тщетной попытке отыскать решение навалившихся на него проблем.

– Папа? – (Он повернулся, инстинктивно расправив плечи, словно боялся показаться слабым в моих глазах.) – Как думаешь, почему это происходит? Ведь раньше все было по-другому.

Папа задумчиво поднял брови.

– Безусловно, по-другому, – произнес он, обращаясь, скорее, к себе самому. – Поначалу люди, казалось, были вполне довольны. И даже устраивали праздники по случаю ликвидации очередной касты. И только последние несколько лет, когда цифровые обозначения были официально отменены, все покатилось под откос. – Он снова уставился в окно. – Я только одно могу сказать. Те, кто вырос в кастовом обществе, прекрасно понимают, насколько сейчас стало лучше. По сравнению с прежними временами им гораздо легче вступить в брак или найти работу. Финансовые возможности семьи уже не ограничены одним полем деятельности. И в сфере образования больше свободы действий. Но вот в том, что касается тех, кто родился уже в новых условиях и присоединяется к оппозиции… Полагаю, они просто не знают, что еще могут сделать. – Затем он посмотрел на меня и пожал плечами. – Мне нужно время. Нужно найти способ поставить на паузу, все наладить и снова нажать кнопку «плей».

Я заметила глубокую морщину у него на лбу.

– Папа, не уверена, что это возможно.

– Но мы уже делали так прежде, – хмыкнул он. – Я как сейчас помню… – начал он и перевел взгляд на меня.

В глазах его я прочла молчаливый вопрос.

– Папа?

– Да?

– Ты в порядке?

Он растерянно заморгал:

– Да, дорогая. В полном порядке. Почему бы тебе не заняться урезанием расходных статей бюджета? А твои предложения мы обсудим днем. Сейчас мне надо поговорить с твоей матерью.

– Конечно.

Я никогда не обладала блестящими способностями к математике, а потому работа над урезанием бюджета или финансовыми планами занимала у меня вдвое больше времени, чем у других. Однако я категорически отказывалась, чтобы один из папиных советников стоял у меня за спиной с калькулятором и наводил порядок в финансовой неразберихе. Я всегда добивалась точности в расчетах, пусть даже ценой очередной бессонной ночи.

А вот Арен, само собой, был прекрасным математиком, но ему не было нужды присутствовать на совещаниях по поводу бюджета, или зонирования, или здравоохранения. Он легко отделался, и все благодаря каким-то несчастным семи минутам.

Папа похлопал меня по плечу и вытолкал из комнаты. Однако мне не удалось сосредоточиться на цифрах. В памяти то и дело всплывало папино озабоченное лицо, причем озабоченность эта явно имела прямое отношение ко мне.

Глава 2

Поработав несколько часов над отчетом об исполнении бюджета, я решила прерваться и вернулась в свою комнату, чтобы Нина могла сделать мне массаж. Вообще-то, я любила себя побаловать в течение дня. Платья, сшитые точно по мне, экзотические десерты, которые подавались просто потому, что сегодня четверг, а также бесконечное множество красивых вещей делали жизнь интереснее и, естественно, были наиболее приятной частью моей работы.

Окна моей комнаты выходили в сад. И по мере того как день клонился к вечеру, высокие стены постепенно окрашивались мягким медовым светом. Я сосредоточилась на тепле, идущем от умелых пальчиков Нины.

– В любом случае, у него стало такое странное лицо. Он вроде как на минуту оказался где-то далеко.

Я пыталась объяснить папино загадочное исчезновение сегодня утром, хотя постичь произошедшее было нелегко. Я даже не уверена, удалось ли папе найти маму, так как в кабинет он больше не вернулся.

– А он, случайно, не заболел? Вид у него последнее время и правда усталый. – Нина говорила, продолжая творить чудеса своими волшебными руками.

– Разве? – По-моему, папа не выглядел таким уж усталым. – Возможно, он просто слишком напряжен. Да и как иначе? Ведь ему приходится принимать столько важных решений.

– А в один прекрасный день это придется делать вам. – В голосе Нины чувствовались явное беспокойство и одновременно радостное возбуждение.

– А это значит, что тебе придется в два раза чаще делать мне массаж.

– Ну, я не знаю, – ответила она. – Возможно, через пару лет мне захочется попробовать чего-нибудь новенького.

– А чем ты займешься? – поморщилась я. – Не уверена, что в стране так уж много предложений, более привлекательных, чем работа во дворце.

Но тут в дверь постучали, и она не успела ответить на вопрос.

Я встала, набросила на себя для порядка блейзер и кивнула Нине, чтобы та впустила гостей.

В комнату вплыла улыбающаяся мама, а за ней показался папа. И я машинально отметила для себя, что дислокация всегда была именно такой. Во время торжественных мероприятий или званых ужинов мама всегда держалась рядом с папой или шла сразу за ним. Но когда они были просто мужем и женой – а не королем с королевой, – папа всегда следовал за ней.

– Привет, мам. – Я шагнула маме навстречу, чтобы обнять ее.

Мама поправила выбившуюся у меня из прически прядь волос:

– Мне нравится, как ты выглядишь.

Я гордо отошла назад и разгладила платье:

– Ты не находишь, что браслеты идеально сюда подходят?

– Потрясающее внимание к деталям, – хихикнула мама.

Время от времени мама позволяла мне выбирать для нее украшения или туфли, хотя такое случалось нечасто. В отличие от меня, она не любила побрякушки и не пользовалась дополнительными аксессуарами для обрамления своей красоты. Да и, честно говоря, особо в них не нуждалась. Мне нравился ее классический стиль.

Мама повернулась и тронула Нину за плечо.

– Ты свободна, – тихо сказала она.

Нина послушно сделала реверанс и оставила нас одних.

– Что-нибудь случилось? – спросила я.

– Нет, дорогая. Мы просто хотели переговорить с глазу на глаз. – Папа взял нас за руки и подвел к столу. – У нас появилась возможность кое-что обсудить.

– Возможность? Мы что, отправляемся в путешествие? – Я обожала путешествовать. – Неужели мы наконец-то выберемся на побережье? А давайте поедем только вшестером?

– Не совсем так. Мы никуда не собираемся, так как ждем гостей, – объяснила мама.

– Ой! Компания! А кто приезжает?

Родители переглянулись, и мама продолжила:

– Ты ведь знаешь, что обстановка сейчас крайне нестабильная. Люди волнуются и чувствуют себя несчастными, и мы уже буквально сломали голову, решая проблему, как снять напряжение в обществе.

– Знаю, – вздохнула я.

– И мы отчаянно пытаемся найти способ поднять у населения бодрость духа, – добавил папа.

Я моментально встрепенулась. Для поднятия бодрости духа обычно устраивались праздники.

– И что ты имеешь в виду? – Я принялась было обдумывать фасон нового платья, но тут же это дело бросила. Ведь сейчас было явно не до того.

– Ну, – начал папа, – публика лучше всего откликается на какое-нибудь радостное событие, связанное с королевской семьей. Когда мы с твоей матерью поженились, в стране наступили мир и согласие. А ты помнишь, как люди веселились прямо на улице, когда узнали о появлении на свет Остена?

Я улыбнулась. Мне было восемь, когда родился Остен, и я до сих пор помню радостное возбуждение толпы при объявлении об этом событии. Тогда на улице

до зари не смолкала музыка.

– Это было грандиозно.

– Вот именно. А теперь все взгляды обращены на тебя. Ведь в недалеком будущем ты станешь королевой. – Папа запнулся. – И мы тут подумали, что, возможно, лишняя публичность тебе не помешает. Тебе стоит совершить нечто такое, что вызовет эмоциональный отклик у публики и одновременно пойдет на пользу тебе.

Я прищурилась, не совсем понимая, куда это он клонит.

Мама откашлялась и сказала:

– Как ты, должно быть, знаешь, в прежние времена принцесс выдавали замуж за иностранных принцев с целью укрепления международных связей.

– Надеюсь, я не ослышалась и ты действительно использовала прошедшее время?

Она рассмеялась, но мне сейчас было не до смеха.

– Да.

– Отлично. Потому что принц Натаниэль похож на зомби, принц Гектор танцует, как зомби, и если принц из Немецкой Федерации не научится до рождественского вечера соблюдать правила личной гигиены, то не получит приглашения на праздник.

Мама разочарованно потерла лоб:

– Идлин, ты всегда была слишком разборчивой.

Папа пожал плечами.

– Возможно, это не самый большой недостаток, – сказал он и тут же получил от мамы сердитый взгляд.

– О чем, ради всего святого, вы тут толкуете? – нахмурилась я.

– Ты же знаешь, как я познакомился с твоей мамой, – начал папа.

Я сделала круглые глаза:

– Все знают. Ваша история стала чуть ли не волшебной сказкой.

При этих словах взгляд их смягчился, а на лице появилась улыбка. Они едва заметно склонили друг к другу головы, а папа, посмотрев на маму, слегка прикусил губу.

– Прошу прощения. Но ваш первенец все еще здесь, если не возражаете.

Мама покраснела, а папа, прочистив горло, продолжил:

– Процесс Отбора оказался весьма удачным для нас. И хотя у моих родителей были свои проблемы, это пошло на пользу и им тоже. Поэтому… мы взяли на себя смелость надеяться… – Он запнулся, и наши глаза встретились.

Я не сразу поняла их намеки. Да, я знала об Отборе, но данный вариант нами, уж не говоря обо мне, никогда, то есть вообще ни разу, не рассматривался.

– Нет!

Мама предостерегающе вскинула руки:

– Просто послушай…

– Отбор?! – возмутилась я. – Форменное безумие!

– Идлин, ты ведешь себя неразумно.

Я сверкнула на маму глазами:

– Ты обещала, обещала, что никогда не заставишь меня выйти замуж ради заключения брачного союза. А Отбор немногим лучше!

– Хотя бы выслушай нас, – настаивала мама.

– Нет! – отрезала я. – Я не буду этого делать!

– Успокойся, моя милая.

– Не надо со мной так разговаривать. Я уже не ребенок!

– Но ведешь себя именно так, – вздохнула мама.

– Вы разрушаете мою жизнь! – Я взъерошила волосы и сделала несколько глубоких вдохов, чтобы прочистить мозги. Нет, этого не должно случиться. Только не со мной.

– Но грех упускать такую возможность, – не сдавался папа.

– Вы пытаетесь связать меня брачными узами с незнакомцем!

– Я ведь говорила тебе, что она упрется, – прошептала мама папе.

– Сам удивляюсь, и в кого она у нас пошла? – с улыбкой парировал папа.

– Не смейте говорить обо мне так, будто меня здесь нет!

– Прости, – сказал папа. – Мы только хотим, чтобы ты обдумала наше предложение.

– А как насчет Арена? Почему бы ему этого не сделать?

– Арен не собирается стать королем. К тому же у него есть Камилла.

Принцесса Камилла была наследницей французского трона, и пару лет назад она поразила Арена в самое сердце.

– Тогда пожените их скорее! – взмолилась я.

– Камилла в свое время станет королевой, и ей, так же как и тебе, придется попросить своего партнера жениться на ней. Если бы это зависело только от Арена, мы с удовольствием рассмотрели бы данный вариант, но, к сожалению, все не так просто.

– А Кейден? Неужели нельзя заставить жениться его?

Мама невесело рассмеялась:

– Ему еще только четырнадцать! И мы не можем ждать. Люди прямо сейчас требуют хлеба и зрелищ. – Мама сузила глаза. – И, положа руку на сердце, разве тебе не пора присмотреть кого-нибудь, кто мог бы помочь править страной?

– Все верно, – кивнул папа. – Одной такую ношу не потянуть.

– Но я не хочу замуж, – взмолилась я. – Пожалуйста, не заставляйте меня этого делать. Мне ведь всего лишь восемнадцать.

– В твоем возрасте я уже вышла за папу, – заметила мама.

– Я еще не готова, – уперлась я. – Мне не нужен муж. Не надо так со мной поступать. Ну пожалуйста!

Мама перегнулась через стол и накрыла мою руку своей:

– Никто и не собирается тебя заставлять. Ты сделаешь это добровольно. Ради своего народа. Преподнесешь им подарок.

– Ты имеешь в виду фальшивую улыбку сквозь невидимые миру слезы?

– Что всегда было частью нашей работы, – нахмурилась мама.

Я уставилась на нее, молча требуя развернутого ответа.

– Идлин, почему бы тебе не взять времени на размышление? – попытался успокоить меня папа. – Я понимаю: мы требуем от тебя огромной жертвы.

– Ты хочешь сказать, что у меня есть выбор?

– Ну, моя девочка, у тебя действительно будет выбор. Выбор из тридцати пяти претендентов, – вздохнул папа.

Я вскочила со стула и указала на дверь:

– Уходите! Уходите прочь!

И они, не говоря ни слова, покинули комнату.

Разве они не знали, кто я такая и какова моя миссия? Я Идлин Шрив. И нет никого могущественнее меня.

И если они надеются, что я сдамся без боя, то жестоко заблуждаются.

Глава 3

Я решила пообедать у себя в комнате. Сейчас мне не слишком хотелось видеть свою семью. В данный момент я на них сердилась. На родителей – за то, что были счастливы, на Арена – за то, что восемнадцать лет назад не мог поторопиться, на Кейдена и Остена – за их молодость.

Крутившаяся возле меня Нина наполнила мою чашку и спросила:

– Мисс, неужели вам действительно придется через это пройти?

– Я усиленно пытаюсь найти способ выпутаться.

– А если сказать, что вы уже влюблены?

Я покачала головой, продолжая лениво ковырять еду:

– Ведь я в их присутствии оскорбила трех наиболее вероятных претендентов на мою руку.

Нина поставила на стол небольшую тарелку с шоколадом, совершенно точно угадав, что сейчас я предпочту шоколадку лососю с гарниром из икры.

– А вдруг это кто-нибудь из гвардейцев? Со служанками, например, такое частенько случается, – хихикнула Нина.

– Ну и флаг им в руки, но я еще не настолько отчаялась, – фыркнула я.

Нина сразу перестала смеяться. Похоже, обиделась. Но я ведь сказала правду. Я не могла выбрать кого-нибудь из своего окружения, не говоря уже о гвардейцах. Тем более что это пустая трата времени. Надо было срочно искать выход из сложившейся ситуации.

– Нина, я совсем не то имела в виду. Просто я не могу позволить себе обманывать ожидания людей.

– Естественно.

– Ладно. Я закончила. Можешь идти спать. Тележку я оставлю в коридоре.

Нина кивнула и, не говоря ни слова, вышла из комнаты.

Я надкусила шоколадку, но на этом решила закончить с ужином и надеть ночную рубашку. Прямо сейчас я не могла спорить с родителями, а Нина так ничего и не поняла. Нет, мне необходимо поговорить с единственным человеком, способным принять мою сторону. Человеком, считавшим, что мы с ним почти одно целое. Мне нужен был Арен.

– Ты не занят? – спросила я, чуть приоткрыв дверь его комнаты.

Брат сидел за письменным столом и что-то писал. Его белокурые волосы к концу дня уже успели растрепаться, но в глазах не чувствовалось усталости. Арен был до ужаса похож на папу в молодости и словно сошел с папиного портрета.

Арен по-прежнему был одет, как для ужина, разве что успел снять пиджак и развязать галстук.

– Разве нельзя постучать, ради всего святого?

– Извини. Но у меня срочное дело.

– Тогда вызови гвардейца, – огрызнулся он, возвращаясь к своим бумагам.

– Это уже предлагали, – пробормотала я себе под нос. – Я серьезно, Арен. Мне нужна твоя помощь.

Арен осторожно покосился на меня, и я поняла, что он готов уступить. Он небрежно придвинул к себе ногой стул:

– Ладно, входи.

Я села и со вздохом спросила:

– А что ты такое пишешь?

Он поспешно спрятал верхний лист под пачку бумаги:

– Письмо Камилле.

– А почему бы просто не позвонить ей?

– О, позвоню обязательно. Но потом отправлю еще и это.

– А какой смысл? Неужели после телефонного разговора у тебя еще останутся темы для целого письма?

– К твоему сведению, телефонные разговоры и письма служат совершенно разным целям. Письма нужны именно для того, чего нельзя сказать вслух.

– Да неужели? – Я наклонилась вперед, потянувшись за его письмом.

Но Арен ловко перехватил мою руку.

– Я тебя убью! – пригрозил он.

– Отлично, – парировала я. – Тогда тебе придется стать наследником, принять участие в Отборе и сказать своей разлюбезной Камилле последнее прости.

– Что? – нахмурился Арен.

Я снова откинулась на спинку стула:

– Маме с папой необходимо поднять у населения бодрость духа. И они решили, что я должна пройти через Отбор. Чтобы послужить на благо своей страны, – с поддельным патриотическим воодушевлением произнесла я.

Если честно, я ожидала, что он придет в ужас. Сочувственно погладит меня по плечу. Но Арен только заливисто рассмеялся, запрокинув голову.

– Арен!

Арен продолжал хохотать, протяжно завывая и похлопывая себя по колену.

– Ты помнешь костюм, – предостерегающе сказала я, на что он только еще громче рассмеялся.

– Кто бы мог подумать?! Поверить не могу, что они решили, будто это сработает!

– И что ты хочешь сказать?

– Не знаю, – пожал плечами Арен. – Похоже, я решил, что, если ты когда-нибудь действительно выйдешь замуж, это будет еще очень и очень нескоро. И сдается мне, остальные придерживались того же мнения.

– А этим что ты хочешь сказать?

Я наконец-то получила теплое рукопожатие, на которое рассчитывала, когда Арен коснулся моей руки.

– Да ладно тебе, Иди! Ты всегда была независимой. Ты прирожденная королева. Ты любишь все держать под контролем и сама все решать. Не уверен, что ты сумеешь соединить себя с другим человеком, пока какое-то время не посидишь на троне.

– Можно подумать, будто у меня действительно есть выбор, – промямлила я, исподлобья посмотрев на брата.

– Бедная маленькая принцесса! Значит, ты не хочешь править миром? – надувшись, спросил он.

Я оттолкнула его руку:

– Всего семь минут. И на моем месте был бы ты. А я в одиночестве с удовольствием занималась бы глупыми писульками, а не дурацкой бумажной работой. И вообще, Отбор… Неужели тебе непонятно, какой это кошмарный ужас?!

– Но как тебя угораздило так вляпаться? Мне казалось, что Отбор – дела давно минувших дней.

Я выкатила на брата глаза:

– Отбор не имеет ко мне абсолютно никого отношения. Что самое неприятное. Папа чувствует растущее недовольство в обществе, и ему надо как-то отвлечь народ. Арен, дела действительно обстоят неважно. Люди разрушают дома и бизнес. Есть погибшие. Папа не вполне уверен, откуда ветер дует, но, по его убеждению, это дело рук представителей нашего с тобой поколения, а именно

людей, родившихся в посткастовом обществе.

– Ума не приложу, чем плоха жизнь без лишних ограничений, – скривился брат.

Я замолчала, задумавшись. Как можно объяснить то, о чем остается только гадать?

– Ну, я выросла с осознанием того, что в один прекрасный день стану королевой. Вот такие дела. И никакой альтернативы. А ты всегда знал, что у тебя есть выбор. Ты мог стать военным или послом, в общем, делать, что душе угодно. Но вот что было бы, если бы все обстояло ровно наоборот? Если бы возможности, на которые ты рассчитывал, оказались для тебя закрыты?

– Что? – наконец-то врубился брат. – Выходит, людей по-прежнему отказываются принимать на работу?

– Тут и работа, и образование, и деньги. Я слышала, родители запрещают детям вступать в брак из-за былой принадлежности к определенным кастам. Все идет не так, как планировал папа, и ситуация практически вышла из-под контроля. Ну и как, спрашивается, заставить людей поступать по справедливости?

– Значит, папа сейчас собирается разработать новый план действий? – с некоторой долей сомнения поинтересовался Арен.

– Да, а я буду служить дымовой завесой, чтобы отвлечь внимание, пока он не найдет выход из положения.

– Что ж, это куда разумнее, чем обыгрывать внезапно вспыхнувшие у тебя романтические чувства, – хмыкнул Арен.

– Брось, Арен, – покачала я головой. – Меня не интересует замужество. Тогда о чем речь? Ведь остаются же некоторые женщины одинокими.

– Да, но от этих женщин никто не ждет рождения наследника трона.

– Так помоги мне! Скажи, что делать? – пихнула я брата в бок.

Он впился в меня глазами, и я сразу увидела, ведь брат был для меня словно открытая книга, что он понял, насколько я напугана. Я не чувствовала гнева или отвращения. Ярости или злости.

Я была в ужасе.

Однако будущая правительница – человек, державший в своих руках судьбы миллионов людей, – не имела права обманывать ожидания подданных. Ведь у меня особая миссия. Я могла отдавать распоряжения, делегировать полномочия. Но сейчас речь шла о сугубо личном, о той стороне жизни, которая должна была быть только моей, но не была.

Озорная ухмылка тотчас же исчезла с лица брата, он придвинул стул поближе ко мне:

– Если они ищут способ отвлечь людей, может быть, ты предложишь… альтернативный вариант? Ведь замужество не единственный выход из положения. Хотя, если папа с мамой остановились именно на Отборе, значит они исчерпали все другие возможности.

Я закрыла лицо руками. Мне не хотелось говорить, что я предлагала его кандидатуру взамен своей и даже подумывала о Кейдене. Я чувствовала: брат прав и Отбор – последняя надежда родителей.

– Иди, тут есть еще кое-что. Ты станешь первой девушкой, наследующей трон по праву. И поэтому на тебя обращены все взгляды.

– Можно подумать, я не знаю!

– Но, – продолжил Арен, – у тебя имеются неограниченные возможности торговаться.

Я тут же встрепенулась:

– Что ты имеешь в виду?

– Если они действительно нуждаются в твоей помощи, попытайся договориться.

Я моментально выпрямилась, судорожно пытаясь сообразить, о чем можно их попросить. Ведь должен же быть какой-нибудь способ быстро пройти через весь этот ужас, не доводя дело до предложения руки и сердца.

Без предложения руки и сердца!

При наличии нужных аргументов я смогу уговорить папу практически на что угодно, если только это не затронет тему Отбора.

– Договариваться! – прошептала я.

– Вот именно.

Я вскочила и, схватив Арена за уши, запечатлела у него на лбу поцелуй благодарности:

– Ты мой герой!

– Все ради вас, моя королева, – улыбнулся он.

Хихикнув, я пихнула его локтем в бок:

– Спасибо, Арен.

– Принимайся за работу, – помахал он мне вслед.

Похоже, ему гораздо больше хотелось вернуться к своему письму, чем мне заняться разработкой плана действий.

Я выскочила из комнаты брата и быстрым шагом пошла к себе. Мне необходимо было подумать.

Завернув за угол, я с разбегу врезалась в идущего мне навстречу человека и навзничь упала на ковер.

– Ой! – жалобно воскликнула я и, подняв глаза, увидела Кайла Вудворка, сына мисс Марли.

Кайл, так же как и остальные Вудворки, занимал апартаменты на одном этаже с королевской семьей, что было огромной честью для них.

– Надеюсь, ты не против?! – огрызнулась я.

– Следующий раз не будешь носиться как угорелая, – ответил он, поднимая упавшие книжки. – И вообще, смотри куда идешь.

– Будь ты настоящим джентльменом, то предложил бы мне руку и помог бы подняться.

Кайл наклонился ко мне, волосы упали ему на глаза. Ему явно не мешало бы постричься и побриться, а рубашка висела на нем мешком. Я не знала, что сейчас меня больше смущало: его неприглядный вид или то, что я так опростоволосилась.

А ведь он не всегда был настолько неопрятным, да и сейчас мог бы не ходить растрепой. Неужели трудно провести щеткой по волосам?

– Идлин, ты же никогда не считала меня джентльменом!

– Твоя правда. – Я поднялась без посторонней помощи и одернула халат.

Последние шесть месяцев я была избавлена от далеко не самого приятного общения с Кайлом. Он уезжал в Феннли на какие-то ускоренные курсы, и не было такого дня со времени его отъезда, чтобы его мать не причитала по этому поводу. Уж не знаю, что он там изучал, да мне, собственно, было наплевать. Но сейчас он вернулся, и его присутствие во дворце стало очередным пунктом в бесконечном списке раздражителей.

– И что заставило столь благородную даму нестись очертя голову?

– А то, что столь недалекому человеку, как ты, понять не дано.

– Куда уж мне, дураку, – рассмеялся он. – Странно, что я еще умудряюсь самостоятельно помыться.

У меня язык чесался спросить, а привык ли он вообще мыться, поскольку, судя по его виду, он как огня боится всего, что хотя бы отдаленно похоже на мыло.

– Надеюсь, одна из твоих книг – учебник по этикету. Тебе необходимо освежить свои знания.

– Идлин, ты пока еще не королева. Заруби себе на носу. – Он повернулся и зашагал прочь.

Я была в ярости, что последнее слово не осталось за мной. Ну да ладно. Мне сейчас не до плохих манер Кайла. Ведь у меня и без него куча проблем. И я не могу позволить себе тратить время на пустые пререкания и вообще на все то, что может отвлечь меня от кардинального решения проблемы Отбора.

Глава 4

– Хочу внести ясность, – заявила я, усаживаясь в папином кабинете. – У меня нет никакого желания выходить замуж.

– Я знаю, что ты не желаешь прямо сейчас выходить замуж, но, Идлин, рано или поздно тебе придется это сделать. Твоя святая обязанность – дать продолжение королевскому роду.

Я ненавидела, когда он вот так рассуждал о моем будущем, словно и секс, и любовь, и дети были не составляющими простого человеческого счастья, а неприятными обязанностями, которые необходимо выполнять для надлежащего управления королевством. Что делало перспективу брака особенно безрадостной.

И разве замужество не должно было стать подлинным удовольствием и вообще лучшей частью моей будущей жизни?

Отмахнувшись от печальных мыслей, я сосредоточилась на своей ближайшей задаче.

– Я понимаю. И согласна, что все это очень важно, – дипломатично ответила я. – Но вот когда ты участвовал в Отборе, неужели тебя совсем не волновало, что ни одна из претенденток тебе не подойдет? Или что у них, возможно, имеются корыстные мотивы?

Его губы изогнулись в улыбке.

– Эта мысль преследовала меня днем и ночью.

В свое время папа потчевал меня расплывчатыми историями об одной девушке, настолько уступчивой, что его от нее тошнило, а еще о другой, которая пыталась манипулировать проведением каждого этапа Отбора. Я не знала ни имен, ни подробностей. Наверное, это даже к лучшему. Мне не хотелось думать, что папа мог влюбиться в кого-то еще, кроме мамы.

– А тебе не кажется, что если речь идет о первой женщине, наследующей корону… то необходимо установить определенные стандарты для того, кто будет править рядом с ней?

– Продолжай, – кивнул папа.

– Ведь должен же существовать некий процесс проверки, дабы удостовериться, что во дворец не проберется какой-нибудь психопат?

– Естественно, – ухмыльнулся он так, будто моя озабоченность не имела под собой никаких оснований.

– Но я не могу доверить эту работу абы кому. Поэтому я соглашусь на сей дурацкий трюк, если ты мне кое-что обещаешь.

– Отбор вовсе не трюк. А отлично зарекомендовавшая себя процедура. Но, моя дорогая девочка, скажи, пожалуйста, чего ты хочешь.

– Во-первых, участники должны иметь право добровольно покидать Отбор. Я категорически не желаю, чтобы кто-нибудь считал себя обязанным остаться, даже если ему не понравятся ни я, ни жизнь во дворце.

– Целиком и полностью с тобой согласен, – прочувствованно произнес папа.

Похоже, я коснулась больного вопроса.

– Отлично. И я знаю, моя идея тебе не понравится, но если к концу мероприятия я так и не выберу никого подходящего, мы объявим Отбор недействительным. Нет принца – нет свадьбы.

– Ага! – Папа наклонился в кресле вперед, ткнув в меня указующим перстом. – Если я тебе это позволю, ты в первый же день дашь им всем от ворот поворот. Даже и не надейся!

Я помедлила, обдумывая ситуацию:

– А что, если я гарантирую тебе определенный временной задел? Я обеспечу продолжение Отбора в течение, скажем, трех месяцев и рассмотрю все имеющиеся варианты. Но если через три месяца я не найду себе подходящей пары, всех участников отпустят по домам.

Папа провел рукой по губам и, поерзав на стуле, впился в меня глазами:

– Идлин, ты ведь знаешь, как это важно, так?

– Естественно. – Да, я прекрасно понимала серьезность положения. Один неверный шаг – и вся моя жизнь пойдет под откос.

– Ты должна это сделать. И сделать хорошо. Ради всех нас. Ведь жизнь каждого члена нашей семьи посвящена служению нашей стране.

Я отвернулась. Как бы там ни было, вся наша троица – мама, папа и я – были здесь самыми настоящими жертвами, тогда как остальные жили в свое удовольствие.

– Ладно, я тебя не подведу, – пообещала я. – А ты делай то, что должно. Ищи способ умаслить народ. Я постараюсь дать тебе на это достаточно времени.

Папа задумчиво уставился в потолок:

– Значит, три месяца? А ты можешь поклясться, что попытаешься?

Я торжественно подняла правую руку:

– Честное слово. Если хочешь, я готова даже что-нибудь подписать, хотя не могу обещать, что непременно влюблюсь.

– На твоем месте я бы не зарекался, – философски заметил папа.

Но я была на своем месте, не на его и даже не на мамином. И каким бы романтичным папа ни считал предстоящее мероприятие, я могла думать исключительно о тридцати пяти шумных, несносных, непривычно пахнущих парнях, которые вот-вот наводнят мой дом. Да уж, не слишком заманчивая перспектива.

– Договорились.

Я была готова пуститься в пляс:

– Правда?

– Правда.

Я взяла папину руку, скрепив рукопожатием договоренность о своем будущем:

– Спасибо, папа.

И поспешно вышла из комнаты, чтобы он не увидел лукавой улыбки на моем лице. Если честно, я уже начала прикидывать, как заставить большую часть парней добровольно покинуть проект. Ведь при необходимости я кого угодно могла запугать и сделать дворец крайне неприветливой средой обитания. И еще

у меня было секретное оружие в лице Остена, самого проказливого из всех нас. Уж его точно не придется два раза просить мне помочь.

Хотя в принципе идея о том, что простые парни способны найти в себе достаточно смелости попробовать себя на роль принца, не могла не вызывать восхищения. Но никто не сможет меня захомутать, пока я не буду морально готова, да и вообще, мне хотелось, чтобы эти бедолаги отдавали себе отчет, на что подписываются.

Когда зажгли софиты, в студии стало жарко, как в адском пекле. Я уже давным-давно усвоила, что для «Вестей столицы» следует одеваться полегче, вот почему мой сегодняшний наряд был достаточно легким. Конечно, я выглядела стильно, как всегда, но, естественно, не стала подвергать себя риску получить тепловой удар.

– Чудесное платье, – заметила мама, разглаживая едва заметные морщинки на рукавах. – Выглядишь прелестно.

– Спасибо. Ты тоже.

Улыбнувшись, она продолжила поправлять мое платье:

– Спасибо тебе, моя дорогая. Понимаю, ты сейчас в легком шоке, но уверена, что Отбор всем нам пойдет на пользу. Ты очень одинока, и об этом нам следует рано или поздно подумать, и…

– И это осчастливит наш народ. Знаю.

Я попыталась скрыть унылые нотки в голосе. Ведь формально мы уже миновали печально известный этап распродажи королевских дочерей, но… у меня почему-то возникло такое чувство, будто с тех пор мало что изменилось. Неужели мама ничего не понимает?

Она перевела сочувственный взгляд с платья на мое лицо:

– Уверена, тебе кажется, будто ты приносишь себя в жертву, и тут есть доля правды. Ведь когда ты посвящаешь свою жизнь служению, приходится поступать не как хочется, а как должно. – Она тяжело сглотнула. – Но благодаря Отбору я нашла твоего отца, а еще верных друзей и поняла, что я гораздо сильнее, чем думала. Мне известно о соглашении, которое ты заключила с отцом, и если в результате ты не сможешь найти подходящего человека, быть по сему. Но, пожалуйста, не лишай себя возможности приобрести новый опыт. Попробуй расширить свои горизонты. И постарайся не возненавидеть нас за то, что втянули тебя в эту авантюру.

– Я вас не ненавижу.

– Что ж, по крайней мере, ты не отказалась подумать над нашим предложением, – ухмыльнулась мама. – Ведь так?

– Мне восемнадцать. Но в моем генетическом коде заложено, что я должна сражаться плечом к плечу с родителями.

– Ну-ну, я не против хорошего сражения, если в результате ты поймешь, как сильно я тебя люблю.

Я протянула к маме руки:

– И я тоже тебя люблю. Честное слово.

Она обняла меня, затем отстранилась, разгладила мое платье, окинула меня критическим взглядом – убедиться, что я по-прежнему выгляжу безупречно, – и пошла искать папу. А я направилась к своему месту рядом с Ареном, который, увидев меня, насмешливо поднял брови:

– Выглядишь классно, сестренка. Хоть сейчас под венец.

Присев, я грациозно расправила юбку:

– Еще одно слово – и я обрею тебя налысо, когда будешь спать.

– Я тоже тебя люблю.

Как ни старалась я сохранять серьезный вид, у меня ничего не получалось. Ведь брат знал меня как облупленную.

Студия стала постепенно заполняться домочадцами. Мисс Люси скучала в одиночестве, поскольку генерал Леджер был на обходе, а мистер и миссис Вудворк сидели вместе с Кайлом и Джози позади кинооператоров. Я знала, что мисс Марли очень много значила для мамы, поэтому не стала говорить ей, что не в восторге от детей ее ближайшей подруги. Кайл все же был лучше, чем Джози, хотя за все годы нашего знакомства нам так и не удалось по-настоящему пообщаться. Если, не дай бог, у меня вдруг случится бессонница, лучшим средством будет пригласить к себе Кайла в качестве собеседника. И никаких проблем. А вот что касается Джози, то мне просто не хватит слов, чтобы описать, насколько она противная.

Тем временем в студию, низко кланяясь, начали входить советники отца. Среди них была только одна женщина. Леди Брайс Мэннор. Миловидная и миниатюрная. Если честно, то я никогда не могла понять, как столь застенчивая женщина умудрилась так долго держаться на плаву в политике. Я ни разу не слышала, чтобы она рассердилась или повысила голос, но ее мнение высоко ценилось. А вот мне вечно надо было показывать характер, чтобы заставить себя слушаться.

И тут у меня неожиданно возник вопрос. А что, если я, став королевой, укомплектую штат своих советников исключительно женщинами?

Вот был бы интересный эксперимент!

Ведущий программы «Вести столицы» Гаврил Фадей и советники рассказали о последних новостях, а затем Гаврил повернулся ко мне. У него были прилизанные седые волосы и очень красивое лицо. В последнее время он поговаривал об отставке, но ему еще рано было уходить на покой.

– В заключение нашей вечерней программы у нас есть для жителей Иллеа экстренное сообщение. Слово предоставляется нашей будущей королеве, прекрасной Идлин Шрив.

Он сделал широкий жест в мою сторону, и я, широко улыбаясь, под вежливые аплодисменты прошлась по устланной ковром сцене.

Гаврил наградил меня коротким объятием и расцеловал в обе щеки:

– Милости просим, принцесса Идлин.

– Благодарю, Гаврил.

– Должен признаться, у меня такое чувство, будто я только вчера сообщал о вашем с братом рождении. Поверить не могу, что с тех пор прошло целых восемнадцать лет!

– Ваша правда. Мы все повзрослели. – Я с нежностью посмотрела на свою семью, а они – на меня.

– Еще немного – и вы будете вершить историю. Не сомневаюсь, всем жителям Иллеа не терпится узнать, как вы проявите себя, когда через несколько лет станете королевой.

– Безусловно, следующий этап станет для меня знаменательным, но мне не хочется так долго ждать, чтобы делать историю. – Я игриво пихнула его локтем в бок, а он изобразил удивление:

– Тогда почему бы вам, ваше высочество, не рассказать нам, что у вас на уме?

Я расправила плечи и улыбнулась в камеру:

– В последние годы в нашей великой стране произошло множество изменений. За время правления моих родителей очаги восстаний в Иллеа практически потухли, и хотя монархии по-прежнему приходится отвечать на определенные социальные вызовы, кастовая система больше не разделяет людей воображаемыми границами. Мы живем в эпоху беспрецедентной свободы и с нетерпением ждем, когда наша нация получит все те блага, которых по праву заслуживает. – Я не забывала улыбаться и говорить отчетливо. Годы муштры по части ораторского искусства не прошли для меня даром, и я знала, что доходчиво излагаю каждый пункт своего сообщения. – И это прекрасно… Однако

я все еще восемнадцатилетняя девушка. – (Аудитория, состоящая из гостей и советников, сдержанно засмеялась.) – И мне, естественно, немного скучно проводить большую часть дня с папой в его кабинете. Без обид, ваше величество, – повернувшись к папе, добавила я.

– Какие могут быть обиды? – ответил папа.

– Итак, я решила, что настало время изменить свою жизнь. И заняться поисками, скорее, не сотоварища в выполнении крайне ответственной работы, а партнера, с которым мы могли бы пойти дальше по жизни рука об руку. И я искренне надеюсь, что жители Иллеа простят меня за горячее желание устроить Отбор. – (Советники дружно выдохнули и начали перешептываться. Я увидела ошеломленные лица слуг. Значит, Гаврил был единственным человеком, посвященным в наши планы, что меня немало удивило.) – Завтра мы разошлем письма всем подходящим молодым людям в Иллеа. У вас будет две недели на размышление, принимать ли участие в борьбе за мою руку. Естественно, я прекрасно понимаю, что это необычная и новая для вас ситуация. Ведь за всю историю королевства особа женского пола еще ни разу не устраивала Отбора. И хотя у меня есть три брата, я горю желанием найти еще одного принца Иллеа. Смею надеяться, что все жители нашей страны отпразднуют со мной столь знаменательное событие.

Я сделала реверанс и вернулась на место. Папа с мамой сияли от гордости, а я отчаянно пыталась убедить себя, что их реакция – лучшая награда, но у меня дрожали поджилки. А что, если я упустила нечто важное и в сети, которую сама для себя расставила, зияет огромная дыра?

Но ничего не поделаешь. Я уже бросилась в омут с головой.

Глава 5

Я знала, что во дворце на нас работает целый штат обслуги, но смогла убедиться в этом только сейчас, поскольку большинство из них до сегодняшнего дня старались оставаться незаметными. По мере распространения новостей о внезапном Отборе вокруг меня засуетились не только служанки и лакеи, но и люди, которых я раньше в глаза не видела.

Подготовка к Отбору сделала меня центром всеобщего внимания, что нарушило мой привычный распорядок дня, включавший в основном ознакомление с отчетами и присутствие на совещаниях.

– Ваше высочество, вот этот образец чуть дешевле, но превосходного качества, к тому же он будет отлично сочетаться с уже имеющимся декором. – Мужчина развернул отрез ткани, положив ее поверх двух предыдущих образцов.

Я потрогала материю, меня всегда завораживала фактура ткани, хотя именно эта явно не предназначалась для носки.

– Вот только я не совсем понимаю, к чему такие изыски, – призналась я.

Мужчина, а он был одним из придворных декораторов, обиженно поджал губы.

– Дело в том, что отделка некоторых гостевых комнат слишком женственная и претендентам на вашу руку будет комфортнее в более сдержанной обстановке, – произнес он, разворачивая следующий образец. – Ведь даже новое покрывало может совершенно изменить внешний вид комнаты, – заверил он меня.

– Отлично, – сказала я, хотя, по-моему, замена покрывал была явным перебором. – Но нельзя ли освободить меня от решения второстепенных вопросов?

Он ответил мне доброжелательной улыбкой:

– Отпечатки ваших пальчиков, мисс, будут на всем, так или иначе связанном с Отбором. Даже если вы и останетесь в стороне от решения, так сказать, второстепенных вопросов, люди будут свято верить, что вы вникаете в каждую мелочь. Поэтому нам не обойтись без вашего одобрения.

Я уныло уставилась на отрез ткани, с ужасом представляя, что меня ждет впереди. Честно говоря, я уже была сыта всем этим по горло.

– Тогда пусть будет эта. – Я выбрала самую дешевую ткань насыщенного зеленого цвета, которая за три месяца не успеет испачкаться.

– Очень мудрое решение, ваше высочество, – похвалил меня декоратор. – А теперь, быть может, посмотрим подходящую живопись для украшения интерьера?

Он хлопнул в ладоши, и в комнате появилась вереница служанок с картинами в руках. Я тяжело вздохнула. Ну все, день теперь напрочь потерян.

На следующее утро меня пригласили в обеденный зал. Мама пошла вместе со мной, а вот папу задержали неотложные дела.

Человек, который, по моему разумению, был нашим шеф-поваром, поклонился в меру своих скромных возможностей, ограниченных объемистым животом. Лицо его было багровым, правда, кланяясь, он даже не вспотел, из чего я сделала вывод, что за долгие годы кухонный жар выпарил всю жидкость из его организма.

– Ваше величество, ваше высочество, благодарю за то, что почтили нас своим присутствием. Кухонный персонал день и ночь трудится над составлением оптимального меню первого обеда в честь приезда Избранных. Мы собираемся сделать семь перемен блюд, само собой разумеется.

– Ну конечно! – бодро откликнулась мама.

Шеф-повар наградил ее широкой улыбкой:

– И мы, естественно, хотели бы получить ваше одобрение окончательного меню.

Я даже застонала про себя. Ведь полноценный обед из семи блюд с первого глотка коктейля и до последнего кусочка шоколада может занять часов шесть, не меньше. Интересно, а сколько времени уйдет на то, чтобы попробовать несколько вариантов одной перемены блюд?

Как оказалось, восемь часов. Под конец у меня дико разболелся живот, в результате чего напрочь отпало всякое желание обсуждать музыкальное сопровождение первого обеда.

В коридорах было людно, точно на улицах, и в каждом уголке дворца кипела подготовительная деятельность. Я стоически выносила весь этот бедлам, но только до тех пор, пока буквально на следующий день меня не остановил папа:

– Мы подумываем о том, чтобы отвести специальную комнату для Избранных. Как насчет того, чтобы…

– Довольно, – устало вздохнула я. – Мне наплевать. Я понятия не имею, какие вещи нужны мальчикам для отдыха, а потому спроси того, у кого имеется тестостерон. Если я понадоблюсь, то буду в саду.

Папа сразу понял, что я на грани нервного срыва, и не стал со мной пререкаться. Что ж, спасибо хотя бы за временную передышку.

Я легла в одном бикини на одеяло, расстеленное на лужайке, за которой начинался лес. И в очередной раз пожалела об отсутствии у нас плавательного бассейна. В принципе я всегда добивалась своего, но в том, что касается бассейна, папа оставался непреклонен. Ладно, когда дворец будет моим, бассейн станет первым пунктом повестки дня.

Чтобы хоть чуть-чуть расслабиться, я принялась за наброски новых моделей платьев. Солнце приятно пригревало спину, а скрип карандаша вкупе с шелестом листьев были для меня словно чарующая мелодия. Моя жизнь потеряла покой, и теперь я оплакивала эту утрату. «Три месяца, – повторяла я, как заклинание. – Три месяца, а потом все будет по-прежнему».

Внезапно сонную тишину сада разорвал пронзительный смех.

– Джози, – пробурчала я себе под нос.

Я прикрыла глаза ладонью и, повернувшись, увидела, что она направляется прямо ко мне. С ней была одна из подружек, девушка из высшего общества. Бедняжке Джози явно не хватало компании во дворце.

Поспешно закрыв тетрадь с набросками, я перевернулась на спину, подставив лицо солнцу.

– Отличный опыт для всех нас, – говорила Джози подруге. – Ведь при дворе почти нет мальчиков, так что надо ловить момент. Должна же я знать, как поддержать разговор, когда в один прекрасный день ко мне кто-нибудь посватается.

У меня глаза полезли на лоб. Хорошо, что я в гробу видала всех этих парней, а не то жутко разозлилась бы на маленькую нахалку. Можно подумать, их пригласили специально для нее! Хотя Джози действительно считает, будто она пуп земли. А мысль о том, что ей, как важной особе, станут специально подбирать жениха, просто смехотворна. Она может выйти замуж за первого встречного, и всем в любом случае будет до лампочки.

– Надеюсь, ты пригласишь меня в гости во время Отбора, – ответила Джози подруга. – Вот уж повеселимся!

– Конечно, Шаннон! Я постараюсь, чтобы мои подруги приезжали почаще!

До чего же великодушно с ее стороны приглашать в мой дом подружек набираться опыта! Я сделала глубокий вдох. Мне срочно надо было расслабиться.

– Идлин! – заметив меня, воскликнула Джози.

Я застонала и приветственно подняла руку в надежде, что она проявит деликатность и не станет меня донимать.

– Ой, а как там твой Отбор? Ты небось сильно волнуешься? – не меняя направления движения, крикнула Джози.

У меня не было ни малейшего желания драть глотку, поэтому я промолчала. В результате Джози с подружкой нависли прямо надо мной, заслонив солнце.

– Идлин, ты что, не слышала? Признавайся, ты переживаешь из-за Отбора?

Джози никогда не обращалась ко мне, как положено.

– Естественно.

– И я тоже! Наверное, ужас до чего волнительно оказаться в такой компании.

– Даже и не мечтай, – одернула я Джози. – Эти парни – мои гости.

Она наклонила голову, словно я говорила прописные истины:

– Я знаю! Но ведь так приятно встретить новых людей!

– Джози, а сколько тебе лет?

– Пятнадцать, – гордо ответила она.

– Так я и думала. Если тебе так приспичило, ты наверняка можешь выйти в город и познакомиться с подходящими людьми. Ты уже достаточно взрослая.

– Не уверена, – улыбнулась она. – Нам нельзя нарушать приличия.

Я решила не вступать с ней в дальнейшие пререкания. Ведь это я не могла просто так взять и без предупреждения покинуть дворец. Прочесывание местности службой безопасности, необходимые заявления и проверка на соответствие протоколу – без этого нельзя было и помыслить о том, чтобы выйти в город.

А еще приходилось постоянно следить за тем, чтобы, боже упаси, меня не увидели в неподобающем обществе. Нелицеприятные снимки всегда делались с дальним прицелом: для публикации сенсационного критического материала. В нужный момент их извлекали на свет божий и подкрепляли фактическими данными. Поэтому мне следовало постоянно быть начеку, чтобы, паче чаяния, не скомпрометировать себя, свою семью и даже свою страну.

А вот Джози была самой обыкновенной девушкой. И на нее не распространялись столь строгие ограничения.

Что не мешало ей вести себя так, будто она об этом не знает.

– Ладно, по крайней мере, на сегодня у тебя уже есть компания. И если вы двое не возражаете, я хотела бы немного отдохнуть.

– Конечно, ваше высочество, – склонила голову подружка Джози, оказавшаяся, к моему удивлению, не совсем безнадежной.

– Увидимся за обедом! – И откуда у Джози столько энтузиазма?

Я попыталась снова расслабиться, но пронзительный голос Джози продолжал сверлить мозг. И я, взяв одеяло и наброски, вернулась в дом. Если уж не суждено насладиться одиночеством, надо срочно поискать себе другое занятие.

После яркого анджелесского солнца коридоры дворца показались мне слишком темными, и глаза не сразу привыкли к полумраку. Я отчаянно заморгала, пытаясь разглядеть лицо вихрем несшегося мне навстречу парня. Остен. В руках он держал две тетрадки, которые тут же поспешно всучил мне.

– Спрячь в своей комнате, хорошо? А если кто будет спрашивать, ты меня не видела, – прошептал он и мгновенно исчез.

Я тяжело вздохнула, понимая, что искать объяснения его действиям – пустая трата времени и сил. В иные моменты я, будучи наследницей трона, и сама с трудом несла взваленную на меня ношу, но Остена это, слава те господи, никаким боком не касалось. Всякий раз, как я пыталась представить его у руля государства, у меня схватывало голову.

Мучимая любопытством, я сунула нос в тетрадки. Интересно, что он опять задумал? Оказалось, тетрадки принадлежали не ему, а Джози. Я сразу узнала ее детский почерк, хотя мне и без того все стало ясно. Целые страницы были исписаны их с Ареном именами и окружены сердечками. Правда, были там и другие имена. Уже через пару страниц она была по уши влюблена в членов популярной рок-группы «Choosing Yesterday»[1 - Здесь обыгрывается название рок-группы «Chasing Yesterday». – Здесь и далее примеч. перев.], а затем – в какого-то актера. Похоже, Джози в качестве предмета воздыханий годилась любая знаменитость.

Я решила испортить задумку Остена, оставив тетрадки на полу у дверей в сад. Пожалуй, не вредно лишний раз проучить Джози. Ей явно будет не слишком

приятно наткнуться на них по возвращении в дом. Пусть помучится, гадая, откуда они там взялись и кто успел их пролистать.

Самое время поставить ее на место. Джози, конечно, особа, приближенная к королевской семье, но уж больно много она о себе стала понимать.

Когда я наконец добралась до своей комнаты, Нина поспешно забрала у меня одеяло, чтобы отправить его в стирку. Я набросила на себя первое, что попалось под руку, поскольку сегодня мне было не до чего. И уже начала приводить в порядок волосы, как вдруг мое внимание привлекли лежавшие на столе папки.

– Леди Брайс оставила это для вас, – объяснила Нина.

Я окинула взглядом папки. За текущую неделю мне впервые подкинули работу, но я не могла позволить себе отвлекаться.

– Позже посмотрю, – пообещала я, прекрасно понимая, что благими намерениями вымощена дорога в ад. Нет, сегодняшний день был моим и только моим.

Заколов узлом волосы и проверив макияж, я отправилась искать маму. Я нуждалась в компании, а на маму всегда можно рассчитывать. Она наверняка не станет просить меня выбирать мебель или дегустировать еду.

Она сидела в одиночестве в Женском зале. Табличка на двери гласила, что сия комната получила название библиотеки имени Ньюсома, но я ни разу не слышала, чтобы кто-нибудь, кроме мамы, ее так называл. Тут собирались в основном женщины, поэтому прежнее название было, по-моему, гораздо точнее.

Еще не успев открыть дверь, я поняла, что мама уже там. Она играла на фортепьяно, манеру ее игры было невозможно не узнать. Мама любила рассказывать, как после свадьбы папа заставил ее выбрать четыре новеньких инструмента, причем каждый со своей характерной особенностью. Фортепьяно расставили по всему дворцу. Одно – в маминых покоях, второе – в папиных, третье – здесь, а четвертое – в пустовавшей гостиной на четвертом этаже.

Мамины руки легко и свободно порхали по клавиатуре. Мне стало немного завидно. Правда, она постоянно сетовала на то, что рано или поздно пальцы

утратят гибкость и тогда она не сможет брать больше одной октавы. Однако пока время было над мамой не властно.

Я старалась ступать бесшумно, и все же мама меня услышала.

– Здравствуй, дорогая. – Мама моментально сняла руки с клавиатуры.

– Извини, что помешала, – устроившись рядом с ней на скамеечке, ответила я.

– А ты и не мешаешь. Я просто хотела немного отвлечься. Но сейчас я чувствую себя гораздо лучше.

– Что-то не так?

Мама рассеянно улыбнулась и погладила меня по спине:

– Нет. Просто издержки нашей работы.

– Как я тебя понимаю! – воскликнула я, пробежав пальцами по клавишам.

– Иногда мне кажется, что я уже все знаю и все повидала. Словом, достигла вершин совершенства. Но стоит мне на этом успокоиться, как обстоятельства резко меняются. И сейчас… Ладно, у тебя и так хватает поводов для волнения. Давай не будем о грустном.

Она заставила себя улыбнуться, и хотя меня в принципе интересовала причина маминого беспокойства, ведь рано или поздно ее заботы лягут на мои плечи, я поняла, что мама права. Меньше знаешь, крепче спишь, а я уже и так на грани нервного срыва.

Как, впрочем, и мама.

– Скажи, а ты ни разу не пожалела об этом? – заметив плохо скрытую грусть в ее глазах, спросила я. – О том, что прошла через Отбор и стала королевой?

Мама не стала с ходу говорить «да» или «нет», а тщательно взвесила ответ, за что я была ей крайне признательна.

– Я не жалею о том, что вышла за твоего отца. Да, иногда я задумываюсь над тем, что стало бы со мной, если бы я не решилась пройти через Отбор или затерялась бы во дворце. Полагаю, у меня все было бы хорошо. Возможно, я осталась бы в счастливом неведении. Однако дорога навстречу твоему отцу оказалась тернистой, и в основном потому, что я не желала по ней идти.

– Совсем-совсем?

– Идея принять участие в Отборе принадлежала отнюдь не мне.

У меня буквально отвисла челюсть. Об этом она никогда не рассказывала.

– А кому?

– Не важно, – отмахнулась мама. – И, честно признаться, я понимаю твои сомнения. Но считаю, что Отбор поможет тебе лучше узнать себя. Надеюсь, ты мне поверишь.

– Я бы с радостью тебе поверила, если бы знала, что вы затеваете это ради меня, а не для того, чтобы такой ценой купить себе немного спокойствия. – Мои слова прозвучали чуть резче, чем хотелось бы.

Мама сделала глубокий вдох:

– Ты наверняка считаешь нас эгоистами, но когда-нибудь ты поймешь. Когда судьба нашего королевства окажется в твоих руках, ты тоже будешь готова пойти на все ради его спасения. Мне и в голову не могло прийти, что снова придется устраивать Отбор. К сожалению, планы изменились, и нам пришлось попросить тебя пойти на столь серьезный шаг.

– А вам не кажется, что вы слишком много от меня хотите? – огрызнулась я.

– Во-первых, следи за языком, – одернула меня мама. – А во-вторых, ты видишь только часть общей картины. Ты и понятия не имеешь, как тяжело сейчас

приходится твоему отцу. – (Я сразу притихла. Теперь мне уже не терпелось уйти. Если ей не нравится мой тон, зачем тогда меня заводить?) – Идлин, так уж вышло, что тянуть с этим нельзя. Но, положа руку на сердце, рано или поздно нам все равно пришлось бы что-то предпринять.

– Что ты имеешь в виду?

– Со стороны ты кажешься чересчур замкнутой, слишком далекой от народа. Конечно, я понимаю, ты постоянно волнуешься из-за вызовов, которые ждут тебя впереди, когда ты взойдешь на трон. Вот почему сейчас самое время подумать о нуждах других.

– Неужели ты считаешь, будто я этого не делаю? И чем, по-твоему, я целый день занимаюсь?

Мама поджала губы:

– Нет, солнышко. Не делаешь, если это мешает твоей комфортной жизни.

Меня так и подмывало на нее наорать. Впрочем, и на папу тоже. Ну да, иногда я пытаюсь уйти от проблем, принимая ароматные ванны или выпивая бокал вина за обедом. Но с учетом того, чем приходится жертвовать, можно было бы и простить мне маленькие слабости.

– Вот уж никогда бы не подумала, что ты считаешь меня такой испорченной. – Я встала, собираясь уйти.

– Идлин, я совсем не то имела в виду.

– Именно то. Вот и отлично. – Я направилась к двери. Ее обвинения меня настолько разозлили, что перехватило дыхание.

– Идлин, дорогая! Мы лишь хотим, чтобы ты стала образцовой королевой, только и всего, – умоляюще произнесла мама.

– И стану. – Одной ногой я уже была в коридоре. – И я определенно не нуждаюсь в том, чтобы какой-то парень с улицы стал меня учить, как это делается.

Я попыталась успокоиться. Мне вдруг показалось, будто весь мир ополчился против меня и теперь наносит удар за ударом. Я продолжала мысленно повторять, что надо потерпеть только три месяца, только три месяца… И тут до моих ушей внезапно донесся чей-то плач.

– Ты уверена? – Голос вроде бы генерала Леджера.

– Я говорила с ней сегодня утром. Она решила его оставить, – всхлипнула мисс Люси.

– А ты сказала, что мы сможем дать ребенку абсолютно все? Что у нас больше денег, чем мы сможем потратить? Что мы будем его любить, невзирая на изъяны? – торопливым шепотом говорил генерал Леджер.

– Ну да. И даже больше того, – вздохнула мисс Люси. – Ведь это такой редкий шанс для ребенка с нарушением умственного развития. Я сказала ей, что мы в состоянии удовлетворить его потребности, что сама королева позаботится о нем. А она ответила, что говорила со своими родственниками, и что те согласились ей помочь, и что ей вообще не хотелось отдавать ребенка. А на усыновление согласилась исключительно из страха остаться одной. Она извинялась, словно это может хоть как-то исправить дело.

Мисс Люси втянула носом воздух, пытаясь остановить рыдания. Я подошла поближе к повороту коридора и прислушалась.

– Люси, прости.

– Мне не за что тебя прощать. Тут нет твоей вины, – ласково сказала она. – Думаю, нам надо смириться и понять, что все кончено. Годы лечения, выкидыши, три несостоявшихся усыновления… Пора отпустить ситуацию.

Повисла длинная пауза. Затем генерал Леджер нарушил молчание:

– Хорошо, если ты считаешь, что так будет лучше для всех.

– Да, считаю, – отрезала мисс Люси и снова разрыдалась. – У меня до сих пор не укладывается в голове, что мне не суждено стать матерью.

И уже через секунду плач ее стал звучать глуше. Генерал Леджер наверняка прижал мисс Люси к своей широкой груди.

Все эти годы я считала, что Леджеры просто не хотят иметь детей. При мне никто ни разу не заводил разговоров об отчаянных попытках мисс Люси стать матерью, а она, казалось, с удовольствием играла с нами, когда мы были детьми, но не более того. В жизни не подумала бы, что их семья стала жертвой столь прискорбных обстоятельств!

Быть может, мама права? Быть может, я не такая заботливая и внимательная, какой себя мнила? Ведь мисс Люси была одной из тех, кого я любила больше всех на свете. Тогда почему я оказалась настолько черствой, что не смогла понять всей глубины ее страданий?

Глава 6

В кабинете стояло тридцать пять огромных корзин с десятками тысяч заявлений, оставленных ради сохранения конфиденциальности в конвертах. Перед камерами я попыталась напустить на себя вид счастливого предвкушения, хотя, по моему ощущению, меня в любую минуту могло вырвать прямо в одну из этих корзин.

Что ж, неплохой способ уменьшить число кандидатов.

Папа положил мне руку на спину:

– Ладно, Иди. Просто подойди по очереди к каждой корзине и вытяни конверт. Я подержу их, чтобы у тебя были свободными руки. Сегодня вечером мы вскроем конверты в прямом эфире студии «Вестей». Все просто, как дважды два.

Если все так просто, то почему я совсем пала духом? Хотя, с другой стороны, чему удивляться? Ведь на меня столько всего свалилось после объявления об Отборе.

Я надела свою любимую тиару и расправила переливающееся серое платье. Сегодня мне хотелось быть особенно ослепительной, но, увидев девушку, смотревшую на меня из зеркала, я даже немного опешила.

– Итак, я в прямом смысле слова смогу сама выбирать каждого претендента? – прошептала я в надежде, что на звукозаписи этого не будет.

– Да, такой привилегии у меня не было, – тонко усмехнулся папа. – Дерзай, родная!

– Что ты хочешь сказать?

– Потом объясню. А теперь вперед. – И он махнул рукой в сторону бесконечных кип писем с заявками.

Я глубоко вдохнула. Я сделаю это. И пусть себе бедняги надеются. У них свои планы, у меня – свои. Причем железобетонные. Надеюсь, мне удастся выйти сухой из воды. Всего-навсего несколько месяцев жизни – капля в реке времени, – а затем я снова вернусь к своей основной работе – учиться править страной. В одиночестве.

Тогда почему ты трясешься как овечий хвост?

Заткнись!

Я подошла к первой корзине с заявками, если верить наклейке, из Клермонта. Под вспышки кинокамер вытащила с краю первое попавшееся письмо, и все присутствующие в комнате зааплодировали. Мама обняла Арена за плечи, а тот исподтишка состроил мне рожу. Мисс Марли восторженно вздохнула, но мисс Люси почему-то рядом с ней не было. Остена, само собой, тоже не было, а вот Кейден с интересом следил за происходящим.

Из разных корзин я вынимала письма по-разному. Из второй корзины я взяла верхний конверт. Из третьей выудила заявку из самой глубины, пошарив хорошенько рукой. Зрители пришли в крайнее возбуждение, когда я подошла к корзине с заявками из Каролины, маминой родной провинции, вытащила два конверта и, демонстративно взвесив их в руках, положила один назад.

И вот под шумные аплодисменты и фотовспышки я вручила папе последнюю порцию писем. Затем наградила наводнивших комнату репортеров чем-то вроде восторженной улыбки, и те радостно отправились делать эксклюзивные репортажи. Арен и Кейден удалились, с шуточками и прибауточками, а мама, на ходу чмокнув меня в голову, последовала за ними. Мы с ней снова разговаривали, хотя нам нечего было сказать друг другу.

– Ты была великолепна, – когда мы остались одни, заявил папа с искренним восхищением в голосе. – Я ведь отлично понимаю, какая это нервотрепка, но ты держалась замечательно.

– Откуда тебе знать о нервотрепке, если тебе не пришлось собственноручно вытаскивать заявления?

Папа проглотил ком в горле:

– Ты уже в основных чертах знаешь историю того, как я встретил твою маму. Но есть мелкие детали, о которых лучше не вспоминать. И я говорю тебе это сейчас только для того, чтобы ты наконец поняла, насколько тебе повезло. – Интересно, куда это он клонит? Тем временем папа сделал глубокий вдох и продолжил: – Мой Отбор не был фарсом, но все же далеко не таким, как у тебя. Отец лично отбирал конкурсанток, отдавая предпочтение молодым женщинам из влиятельных семей с хорошими политическими связями или настолько привлекательным, чтобы страна потом могла боготворить землю, по которой они ступают. Для придания этой процедуре хотя бы видимость законности отец разбавил группу знатных претенденток тремя Пятерками, вот, пожалуй, и все. Пятерки явно рассматривались им как нечто одноразовое, предназначенное на выброс, но их миссия состояла в том, чтобы усыпить подозрения публики.

У меня отвисла челюсть.

– Мама?

– Она должна была вылететь одной из первых. Положа руку на сердце, она с большим трудом отразила попытки отца повлиять на мое мнение и, более того, собственноручно удалить ее. И посмотри на маму сейчас. – У папы просветлело лицо. – Я тогда и представить себе не мог, что народ будет любить ее больше, чем мою покойную мать. Она подарила мне четверых красивых, умных, сильных

детей. И всю нашу совместную жизнь я не уставал благодарить свою счастливую звезду. – Папа принялся машинально перебирать конверты, которые держал в руках. – Я не знаю, существуют ли такие вещи, как рок или судьба. Но я точно могу сказать, что если ты чего-то очень сильно хочешь, то не сразу, но рано или поздно это получишь. И тогда поймешь, что о большем и не мечтаешь.

До сих пор у меня не имелось оснований сомневаться в том, что я хорошо знаю историю любви своих родителей. Но после папиного признания, что мама была первой кандидаткой на отсев, и маминых откровений о нежелании участвовать в Отборе у меня, естественно, возник вопрос, а как им вообще удалось найти друг друга.

Хотя, судя по выражению папиного лица, он и сам до сих пор не переставал удивляться.

– А знаешь, у тебя все великолепно получится.

– С чего ты взял?

– Ты очень похожа на свою мать и на мою тоже. Ты целеустремленная. И, что самое главное, ты не любишь проигрывать. Не сомневаюсь, все это прекрасно сработает, хотя бы потому, что ты не допустишь отклонения от намеченного плана.

Я чуть было не призналась папе, что пришла к нему со свежими идеями, как отшить всех этих парней. Ведь он был абсолютно прав: я терпеть не могла проигрывать. Но для меня проиграть – это позволить посторонним руководить мной и вмешиваться в мою жизнь.

– Не сомневаюсь, все пойдет своим чередом, – произнесла я с едва заметным сожалением в голосе.

Папа погладил меня по щеке:

– Именно так всегда и бывает.

Глава 7

В студии немного изменили декорации. Обычно перед камерами рядом с родителями сидели только мы с Ареном, но сегодня на сцену пригласили и Кейдена с Остеном.

Папины советники восседали напротив. Посреди сцены был установлен сосуд с конвертами, которые я вытянула, а возле него – еще один сосуд, для вскрытых конвертов. Мне поставили условие лично озвучивать все имена. Это, по крайней мере, создавало видимость, будто я контролирую ситуацию. Что и требовалось доказать.

За кинооператорами толпились придворные. Генерал Леджер тоже присутствовал. Он что-то нашептывал мисс Люси, целуя ее в лоб. С тех пор как я случайно подслушала их разговор, прошло уже несколько дней, и тем не менее я не переставала переживать за мисс Люси. Леджеры, как ни одна другая семья, заслуживали того, чтобы стать родителями. А Шривы, как ни одна другая семья, умели улаживать дела.

И все же я не знала, как помочь.

Мисс Марли пыталась утихомирить Джози, смеявшуюся над собственной плоской шуткой. У меня просто в голове не укладывалось, как у такой замечательной женщины мог родиться такой жуткий ребенок. Взять, к примеру, мою любимую тиару. Ту, что сейчас на мне. Так вот, она стала моей любимой исключительно потому, что Джози погнула мою первую любимую тиару и потеряла два камня из второй. Хотя она вообще не имела права прикасаться к ним. Никогда.

Кайл, сидевший рядом с сестрой, читал книжку. Ну конечно же, ведь все, что происходит в нашей стране и при дворе, нагоняет на него тоску. Какой же он все-таки неблагодарный человек!

Внезапно он поднял голову, перехватил мой взгляд и снова уткнулся в книгу с кислой миной. Господи, и что он вообще здесь забыл?

– Как ты себя чувствуешь? – Мама положила руку мне на плечо.

– Прекрасно.

– Не верю, – улыбнулась мама. – Это ведь просто тихий ужас какой-то.

– Ну да. Да, так оно и есть. Как мило с твоей стороны втянуть меня в такую восхитительную авантюру.

Мама осторожно хихикнула. Она явно проверяла, помирились мы наконец или нет.

– Я вовсе не считаю тебя испорченной, – прошептала она. – Я считаю, что ты у меня замечательная. В один прекрасный день ты узнаешь, что значит волноваться за своих детей. А за тебя я волнуюсь больше, чем за других. Идлин, ты ведь для меня не просто девочка. Ты моя девочка. И я хочу, чтобы ты получила все самое лучшее.

Я не знала, что говорить. И вообще, мне не хотелось сейчас ссориться. Тем более в преддверии столь знаменательного события. Поэтому я обняла маму за талию, а она поцеловала меня в лоб.

– Я чувствую себя ужасно неловко, – призналась я.

– Тогда подумай о том, как должны себя сейчас чувствовать эти мальчики. Для них это судьбоносный момент. А жители страны будут очень довольны.

Я постаралась выровнять дыхание. Три месяца. Свобода. Плевое дело.

– Знаешь, я горжусь тобой, – сказала мама.

Мама отошла от меня, чтобы поздороваться с папой, а в мою сторону стремительно направился, поправляя костюм, Арен.

– Поверить не могу, что это происходит на самом деле. – Судя по его тону, Арен был искренне взволнован. – Значит, теперь у меня будет компания.

– А Кайла тебе что, уже недостаточно? – Я в очередной раз бросила убийственный взгляд на Кайла, который продолжал сидеть, уткнувшись в книгу.

– Не понимаю, что ты имеешь против Кайла. Он действительно очень умный.

– Это что, эвфемизм такой для слова «скучный»?

– Нет! Но я рад, что смогу познакомиться с новыми людьми.

– А я нет. – Я сердито скрестила руки на груди.

– Расслабься, сестренка! Будет весело. – Он обвел глазами комнату и понизил голос до шепота. – Мне остается только догадываться, какую засаду ты приготовила для этих бедолаг!

Я попыталась спрятать улыбку, уже предвкушая, как они у меня тут еще попрыгают.

Арен взял один из конвертов и хлопнул меня им по носу:

– Ну все, готовься. Если у тебя есть хотя бы базовые знания английского, то с этой частью ты вполне справишься.

– Надо же, как больно! – ущипнула я брата за руку. – Я тоже тебя люблю.

– Знаю. Не переживай. Это будет совсем несложно.

Нам велели занять свои места, и Арен, швырнув конверт обратно, взял меня за руку, чтобы усадить на стул. Камеры заработали, и папа начал программу «Вестей» с отчета о готовящемся торговом договоре с Новой Азией. В последнее время между нашими странами наладилось очень тесное сотрудничество, и сейчас было трудно представить себе, что в свое время мы находились с ними чуть ли не в состоянии войны. Папа коснулся иммиграционных законов, и в разговор вступили все его советники, включая леди Брайс. Казалось, эти разговоры займут целую вечность, но для меня все пролетело, как одно мгновение.

Когда Гаврил объявил мое имя, я не сразу сообразила, что должна делать. И все же я поднялась, прошла по сцене и остановилась перед микрофоном.

Изобразив лучезарную улыбку, я посмотрела прямо в камеру – ведь сегодня все жители Иллеа прильнули к телевизорам.

– Вы наверняка сейчас волнуетесь не меньше моего, а потому давайте отбросим церемонии и сразу приступим к оглашению того, что вы все умираете услышать. Дамы и господа, вот имена тридцати пяти молодых людей, приглашенных принять участие в нашем революционном Отборе.

Я сунула руку в сосуд и достала первый конверт.

– Из Лайкли, – прочла я и после паузы вскрыла конверт. – Мистер Маккендрик Шепард. – Я продемонстрировала его фотографию, затем, получив свою порцию аплодисментов, положила письмо во второй сосуд и потянулась за следующим конвертом. – Из Зуни… Мистер Уинслоу Филдз.

Каждое имя сопровождалось шквалом аплодисментов.

Холден Мессенджер. Кесли Тимбер. Хейл Гарнер. Эдвин Бишоп.

А когда я дошла до последнего письма, у меня вдруг возникло такое чувство, будто я вскрыла не меньше сотни конвертов. И вообще, от постоянных улыбок у меня уже дико болели щеки. Надеюсь, мама на меня не рассердится, если я пропущу обед и поем в одиночестве у себя в комнате. Ведь как-никак я это сегодня заслужила.

– Ага! Из Анджелеса. – Я разорвала бумагу, чтобы достать последнее заявление. Моя улыбка сразу увяла, но, честное слово, я ничего не могла с собой поделать. – Мистер Кайл Вудворк.

Я хорошо слышала реакцию зала. Кто-то ахнул, кто-то рассмеялся, но самой неожиданной была реакция Кайла. Он уронил книгу.

Задержав дыхание, я наконец сказала:

– Вот и все. Завтра наши советники начнут готовить этих тридцать пять счастливчиков к увлекательному приключению, которое ждет их впереди. И уже через неделю они прибудут во дворец. А пока давайте все дружно поздравим

Избранных.

Я захлопала в ладоши, присутствовавшие в студии меня поддержали, и я вернулась на свое место, стараясь не показывать, что меня вот-вот стошнит.

Тот факт, что Кайл оказался в числе Избранных, в принципе, не должен был меня так уж сильно взволновать. Ведь уже к вечеру ни у кого из этих парней не останется ни малейшего шанса. Но что-то во всей этой истории было неправильно.

И не успел Гаврил закончить передачу, как все в зале словно взорвались. Мама с папой подошли к Вудворкам, я поплелась за ними, ориентируясь, как на луч маяка, на пронзительный смех Джози.

– Я этого не делал! – настаивал Кайл.

Наши глаза встретились, и я поняла, что он расстроен не меньше моего.

– Да какая, собственно говоря, разница? – удивилась мама. – Любой, достигший брачного возраста, вправе подать заявление.

– Все верно, – подтвердил папа. – Ситуация, конечно, несколько странная, но тут нет ничего противозаконного.

– Но я вовсе не хочу в этом участвовать! – умоляюще посмотрел на папу Кайл.

– Тогда кто внес твое имя?

– Без понятия, – нахмурился Кайл. – Здесь, должно быть, какая-то ошибка. С какой стати подавать заявку, если мне это неинтересно?

Мама посмотрела на генерала Леджера, и они обменялись улыбками. Хотя я не видела тут ничего смешного.

– Прошу прощения! – возмутилась я. – Так дело не пойдет. И что вы собираетесь предпринять?

– Возьмите на мое место кого-нибудь другого, – предложил Кайл.

Генерал Леджер покачал головой:

– Идлин объявила твое имя на всю страну. Ты кандидат от Анджелеса.

– Совершенно справедливо, – поддержал его папа. – После оглашения имен отобранных кандидатов они получают официальный статус. Мы не можем тебя заменить.

Кайл закатил глаза. Причем уже не в первый раз.

– Тогда пусть Идлин в первый же день выведет меня из игры.

– Интересно, и куда я тебя отправлю? – поинтересовалась я. – Ведь ты у себя дома.

Арен громко хмыкнул.

– Простите, – сказала он, заметив наши негодующие взгляды. – Вам этого не понять.

– Тогда отошлите меня куда-нибудь, – с надеждой в голосе предложил Кайл.

– Кайл, в сотый раз тебе говорю, ты никуда не уедешь!

Еще никогда в жизни я не слышала у мисс Марли таких железных ноток в голосе. Она прижала руку к виску, а мистер Картер, обняв ее за талию, принялся что-то нашептывать ей на ухо.

– Ты что, хочешь нас покинуть? – с недоверием спросила я. – А что, дворец уже недостаточно хорош для тебя?

– Дворец не мой, – отрезал Кайл. – И если честно, он мне уже порядком надоел. Мне осточертели ваши правила. Мне осточертело быть гостем. И мне осточертели твои капризы.

Пока я приходила в себя, мисс Марли успела залепить сыну здоровую оплеуху.

– Извинись! – приказала она.

Кайл, стиснув зубы, уставился себе под ноги. Я воинственно скрестила на груди руки. Он никуда не уедет, пока не принесет мне свои извинения. Так или иначе, но я своего добьюсь.

Наконец Кайл сердито помотал головой, пробормотав невнятные извинения.

Я отвернулась, его усилия меня явно не впечатлили.

– Все пойдет, как запланировано, – положил конец спорам отец. – Это Отбор, такой, как и все прочие. Его суть в том, чтобы сделать выбор. Кайл – лишь один из множества претендентов, и Идлин вполне способна выбрать того, кто похуже.

Спасибо тебе, папа. Я покосилась на Кайла. Он стоял набычившись, вид у него был донельзя смущенный.

– А теперь, полагаю, нам следует поесть и отпраздновать это событие. Сегодня очень волнующий день.

– И то верно, – согласился генерал Леджер. – Давайте поедим.

– Вы как хотите, а я иссякла, – поворачиваясь к двери, заявила я. – Останусь у себя в комнате.

Я не стала ждать разрешения. С сегодняшнего дня я больше никому ничего не должна. Ведь я дала им все, что они хотели.

Глава 8

На протяжении всего уик-энда я старательно избегала общения с домочадцами, но их это, похоже, нимало не встревожило, даже маму. После оглашения имен

кандидатов Отбор стал для меня грозной реальностью, и я сокрушалась по поводу скоротечности дней моего одиночества.

И вот в понедельник, накануне прибытия кандидатов, я наконец решила вернуться к людям и отправилась в Женский зал. Там я застала мисс Люси, к которой, похоже, вернулась былая жизнерадостность. Мне по-прежнему хотелось ей помочь. Но дальше щенка мои фантазии не шли, хотя щенка, как ни крути, при всем желании нельзя назвать человеческим существом.

Мама беседовала с мисс Марли. Обе дружно помахали, заметив меня в дверях.

Когда я села, мисс Марли накрыла мою руку своей:

– Я хотела объясниться по поводу Кайла. Он хочет уехать вовсе не из-за тебя. Он уже давно поговаривает об отъезде, и я надеялась, что семестр учебы вдали от дома положит конец этим разговорам. Ведь мне не пережить расставания с ним.

– Рано или поздно тебе придется позволить ему самому делать выбор, – наставительно сказала мама.

И это говорит человек, который вынуждает родную дочь выйти замуж за незнакомца!

– Нет, я решительно отказываюсь понимать. Вот Джози, например, отнюдь не рвется уехать.

Я сделала большие глаза. Естественно, не рвется. Куда уж ей!

– Тут ничего не поделать. Ты же не можешь удерживать его силком! – Мама налила чашку чая и села напротив меня.

– Я собираюсь нанять другого учителя. У него есть практический опыт, и он может дать Кайлу больше, чем любая книжка. Так мне удастся выиграть немного времени. Я еще не теряю надежды…

И в этот момент в комнату ворвалась тетя Мэй. Выглядела она так, будто сошла с обложки журнала. Я ринулась к ней, сжав ее в объятиях.

– Ваше высочество, – поздоровалась она.

– Заткнись!

Она рассмеялась, схватила меня за плечи и, притянув к себе, заглянула в глаза:

– Я хочу услышать все подробности об Отборе. Как ты себя чувствуешь? Некоторые снимки были чудо как хороши. Ты уже влюблена?

– Даже близко нет, – рассмеялась я.

– Ну дай им хотя бы пару дней.

И в этом она вся. Каждые несколько месяцев новая любовь. Она относилась к нам четверым и к нашим кузенам, Астре и Лео, как к собственным детям, поскольку ей так и не удалось устроить свою личную жизнь. Я ее обожала, и, когда она приезжала нас навестить, дворец буквально оживал.

– Ты надолго приехала? – поинтересовалась мама, и тетя Мэй, взяв меня за руку, потащила меня к ней.

– До четверга. – (Я грустно вздохнула.) – Да, я понимаю. Я пропущу все самое интересное! Но у Лео в пятницу днем игра, а у Астры в субботу репетиция танцев, и я обещала, что буду. Она реально делает успехи. – И, повернувшись к маме, тетя Мэй добавила: – Сразу видно, что ее мать была артисткой.

– Жаль, что я не смогу приехать, – посетовала мама.

– А почему бы и нет? – взяв несколько печенюшек к чаю, предложила я.

Тетя Мэй удивленно на меня посмотрела:

– Ты ведь не забыла, что у тебя уже есть планы на этот уик-энд? Грандиозные планы? Жизненно важные?

– Тоже мне большое дело. Невелика беда, если что и пропущу, – пожала я плечами.

– Идлин! – одернула меня мама.

– Извини! Просто так много всего сразу навалилось. Меня вполне устраивает теперешнее положение дел.

– А где фотографии? – спросила Мэй.

– У меня в комнате, на письменном столе. Я пытаюсь выучить имена, но не слишком-то преуспела.

Мэй махнула рукой служанке:

– Милочка, будь добра, сходи в комнату принцессы и возьми на письменном столе анкеты Избранных.

Служанка, просияв, присела в реверансе, и у меня возникли смутные подозрения, что по дороге она непременно сунет нос в анкеты.

Мама наклонилась поближе к сестре:

– Я только хочу напомнить тебе, что, во-первых, они даже если и есть, да не про твою честь, а во-вторых, ты по крайней мере вдвое старше их.

Мы с мисс Марли расхохотались, а мисс Люси лишь слабо улыбнулась. Она гораздо снисходительнее относилась к тете Мэй, чем все остальные.

– Зачем вы ее дразните? – возмутилась мисс Люси. – Не сомневаюсь, у нее самые хорошие намерения.

– Спасибо тебе, Люси. Конечно, это не для меня, а для Идлин! – сказала тетя Мэй. – Мы объясним ей, как правильно начать.

– Ну, тут все устроено немножко по-другому. – Мама откинулась на спинку стула и с важным видом принялась за чай.

Мисс Марли громко расхохоталась:

– Кто бы говорил! Нам что, напомнить тебе, с чего ты тогда начала?

– Что? – Я была потрясена. Какие еще подробности истории своей любви скрыли от меня родители? – О чем она говорит?

Мама поставила чашку и предупреждающе подняла руку.

– Я совершенно случайно наткнулась на твоего папу в ночь накануне начала Отбора, и, к твоему сведению, – сказала она, обращаясь скорее к мисс Марли, чем ко мне, – меня вполне могли за это выгнать взашей. И вообще, первое впечатление было отнюдь не таким, на какое я рассчитывала.

– Мама, а сколько правил ты умудрилась нарушить? – растерянно спросила я.

Мама закатила глаза, словно пытаясь подсчитать:

– Знаешь что, не поленись, просмотри все фотографии – и ты выиграла.

Тетя Мэй восторженно рассмеялась, и я попыталась запечатлеть в памяти ее изящно склоненную набок голову и сияющие глаза. Она обладала прирожденным шиком, я обожала ее почти так же, как свою маму. Я чувствовала себя слегка обделенной из-за того, что моей единственной подругой детства была Джози, но мамины друзья с лихвой компенсировали мне нехватку ровесников. Жизнерадостность тети Мэй, доброта мисс Люси, оптимизм мисс Марли, мамина сила духа – все это оказалось просто бесценным, и общение с этими замечательными женщинами стало для меня отличной школой жизни.

Тем временем успевшая вернуться служанка вывалила передо мной ворох анкет и фотографий. К моему величайшему удивлению, именно мисс Марли первой схватила пачку фотографий, чтобы получше их рассмотреть. Тетя Мэй стояла у нее за спиной, а так как мама не взяла ни одной фотографии, тетя перегнулась через плечо мисс Марли, чтобы взглянуть хотя бы одним глазком. Мисс Люси

поначалу пыталась напустить на себя индифферентный вид, но очень скоро и у нее на коленях лежала кипа анкет.

– Ой, вот тот выглядит весьма многообещающе. – Тетя Мэй сунула мне под нос фотографию. Я увидела темнокожее лицо с глубоко посаженными карими глазами. Коротко подстриженные волосы, ослепительная улыбка.

– Бейден Трейнс, девятнадцать лет, родом из Самнера.

– Очень привлекательный, – сказала мама.

– Несомненно, – согласилась тетя Мэй. – Судя по его фамилии, их род наверняка относился к касте Семерок. В анкете сказано, что он на первом курсе, изучает рекламное дело. Значит, у него или у кого-то из членов его семьи имеются высокие амбиции.

– Верно, – согласилась мисс Марли. – Рекламное дело не из легких.

Вытащив парочку анкет, я мельком их просмотрела.

– Итак, как ты себя чувствуешь? – поинтересовалась тетя Мэй. – Все готово для старта?

– Думаю, да. – Я вгляделась в анкету, пытаясь найти хоть что-нибудь интересное. Хотя, в сущности, какая разница?! – Поначалу мы жутко психовали. Мне казалось, этому не будет конца. А теперь вроде бы все комнаты готовы, меню разработано. Можно привозить сюда кандидатов.

– Оно и видно, как ты взволнована, – подкусила меня тетя Мэй.

Я вздохнула, выразительно посмотрев на маму:

– Ты ведь, наверное, уже знаешь, что весь этот балаган устраивается отнюдь не для меня.

– Что ты имеешь в виду, моя милая? – Мисс Люси поправила стопку анкет на колене, тревожно переводя взгляд с меня на маму.

– Мы, конечно, надеемся, что Идлин рано или поздно найдет себе достойного спутника жизни, – без обиняков заявила мама. – Но случилось так, что пришлось несколько ускорить события, поскольку сейчас наша страна переживает тяжелый период. И нам необходимо срочно погасить тлеющие очаги недовольства вследствие отмены каст.

– Америка! – возмутилась тетя Мэй. – Так твоя дочь что, типа подсадной утки?

– Нет!

– Да, – пробурчала я, и тетя Мэй погладила меня по спине, отчего мне сразу полегчало.

– Рано или поздно вопрос поклонников непременно возник бы, и вообще, Отбор ее ни к чему не обязывает. У Идлин имеется договоренность с Максоном, что если она никого не полюбит, то все отменяется, – возразила мама. – Тем не менее, да, Идлин выполняет свою работу как член королевской семьи, внося… некоторое разнообразие. Население немного остынет, а мы тем временем успеем разработать план дальнейших действий. И кстати, должна сказать, это работает.

– Неужели? – удивилась я.

– А ты разве не видела газет? Ты теперь в центре внимания. Местные газеты публикуют интервью кандидатов, в некоторых провинциях устраиваются праздники. Ведь люди надеются на победу именно своего кандидата. В журналах приводятся рейтинги претендентов, а прошлым вечером я видела в новостях сюжет о том, что девушки организуют фан-клубы и надевают футболки с именами фаворитов.

– Что есть, то есть, – подтвердила мисс Марли. – И больше ни для кого не секрет, что Кайл живет во дворце.

– А газетчики уже раскопали, что он не хочет участвовать в Отборе? – Я не могла скрыть свое раздражение, хотя мисс Марли тут вообще ни при чем.

– Нет, – рассмеялась она. – Но, повторяю еще раз, это не имеет к тебе никакого отношения.

– Мисс Марли, – улыбнулась я, – вы ведь слышали, что сказала мама. У него нет ни малейшего повода для беспокойства. Полагаю, мы с Кайлом оба отлично знаем, что из нас не получится хорошей пары. И скорее всего, я вообще не найду себе жениха. – Тут я была уверена на все сто процентов, если уж быть точной. – И не стоит беспокоиться, что он может хоть как-то задеть мои чувства. Ведь я прекрасно понимаю, что меня ждет впереди, – ответила я, словно мне не впервой выбирать одного из множества юношей. – И я ни капельки не расстроена.

– Ты сказала, что все это блеф, – озабоченно начала тетя Мэй. – Как думаешь, а сколько продлится Отбор?

– Столько, сколько понадобится, чтобы люди успокоились, а мы успели разработать план действий, если вдруг возникнут новые вызовы. – Мамин голос звучал довольно уверенно.

– Когда они снова возникнут, – поправила я маму. – Да, какое-то время людей будет волновать моя жизнь, но рано или поздно они вернутся к своим проблемам. – Я снова посмотрела на фотографии. Мне даже стало немного жаль этих юношей. У них не было ни малейшего шанса победить. Они понятия не имели, что Отбор – просто отвлекающий маневр. – Надо же, как странно, – взяв одну из анкет, продолжила я. – Не судите и не судимы будете, но вот тут, например, три орфографические ошибки.

Мама взяла у меня анкету:

– Возможно, он просто нервничал.

– Или он клинический идиот, – рискнула предположить я.

Тетя Мэй хихикнула.

– Не будь такой жестокосердной, моя сладкая. Им ведь тоже безумно страшно. – Мама вернула мне анкету, и я прикрепила обратно фотографию блондинчика с

невинным личиком и буйными кудрями.

– Постой-ка, неужели тебе тоже страшно? – В голосе тети Мэй звучала плохо скрытая тревога.

– Нет, нисколечко.

И тетя Мэй, мгновенно расслабившись, заговорщицки мне подмигнула:

– Чтобы ты, да чего-то боялась?! Это невозможно по определению.

Мне бы ее уверенность!

Глава 9

Когда они начали прибывать, я ушла в свою комнату, чтобы заняться эскизами моделей одежды на залитом солнцем балконе. Надо же, сколько громкого смеха и шумных приветствий! Интересно, как долго им удастся сохранять свое мужское братство? Ведь как-никак, но это соревнование. И я мысленно взяла себе на заметку, что не мешало бы попытаться найти способ столкнуть их лбами.

– Нина, мне кажется, что сегодня стоит убрать волосы наверх. Мне хочется выглядеть постарше.

– Прекрасный выбор, миледи, – ответила Нина, возившаяся с моими ногтями. – А насчет платья какие-нибудь идеи имеются?

– Наверное, надену вечернее. Черное подойдет идеально.

– Что, хотите запугать их? – хихикнула Нина.

– Ну, если только слегка, – лукаво улыбнулась я.

Мы обе рассмеялись, и я подумала, как хорошо, что у меня есть Нина. Ведь ближайшие несколько недель мне наверняка понадобятся ее успокаивающие прикосновения и слова поддержки.

Высушив мои волосы, Нина заплела их в косы и уложила короной на голове. Я нашла черное платье, которое надевала на празднование прошлого Нового года. Отделанное кружевом платье до пола сужалось в коленях, а ниже расширялось колоколом. Овальный вырез на спине и рукавчики крылышками. И я не могла не признать, что на солнце платье смотрелось гораздо лучше, чем при свете свечей.

Часы пробили один раз, и я спустилась вниз. Мы переоборудовали библиотеку на четвертом этаже в Мужскую гостиную, чтобы Избранные имели возможность собраться вместе и немного расслабиться. В гостиной того же размера, что и Женский зал, были удобные диваны, а еще множество книг и два телевизора.

Мы решили, что претенденты сперва по одному поприветствуют меня, а затем их проводят в Мужскую гостиную, чтобы дать им возможность познакомиться.

Увидев среди толпившихся в коридоре людей родителей и генерала Леджера, я сразу направилась к ним, изо всех сил стараясь скрыть свое нервозное состояние. Папа был неприкрыто потрясен моим видом, а мама прижала руку к губам.

– Идлин… ты выглядишь такой взрослой. – Она со вздохом коснулась моей щеки, затем плеч и волос, словно желая проверить, не обманывают ли ее глаза.

– Наверное, потому, что так оно и есть.

Мама кивнула, в ее глазах блеснули слезы.

– Ты оделась очень уместно. Я никогда не была похожа на настоящую королеву, но вот ты… само совершенство.

– Мама, прекрати сейчас же! Тебя все обожают. Вы с папой принесли мир нашей стране. А я еще ничего героического не сделала.

Мама приподняла пальцем мой подбородок:

– Пока не сделала. Ты такая целеустремленная, что добьешься всего, чего пожелаешь.

Я только было собралась ответить, но тут к нам подошел папа:

– Готова?

– Да. – Я отнюдь не нуждалась в духоподъемных беседах. – И расслабься, сегодня я не собираюсь никого отсеивать. Полагаю, каждый из них заслуживает получить шанс хотя бы на один день.

– По-моему, очень мудро, – улыбнулся папа.

– Ну ладно, пора начинать, – с тяжелым вздохом сказала я.

– Нам уйти или остаться? – спросила мама.

– Уйти. По крайней мере, сейчас.

– Как пожелаешь, – бросил папа. – Генерал Леджер со своими гвардейцами будет поблизости. Если тебе что-нибудь понадобится, только попроси. Желаем тебе удачного дня.

– Спасибо, папочка.

– Нет, это тебе спасибо, – обнял меня папа.

Папа отпустил меня и предложил руку маме. Я смотрела им вслед и видела, насколько они счастливы.

– Ваше высочество, – с улыбкой окликнул меня генерал Леджер. – Волнуетесь?

Я едва заметно покачала головой, пытаясь убедить скорее себя, нежели его.

– Вводите первого.

Генерал Леджер подал знак глазами лакею в конце коридора. Из библиотеки, поправляя манжеты, вышел юноша. Худой и несколько маловат ростом, но лицо приятное.

Он остановился прямо передо мной:

– Фокс Уэсли, ваше высочество.

– Очень приятно, – приветственно склонила я голову.

– Вы такая красивая! – восхищенно выдохнул он.

– Мне это уже говорили. А теперь можете идти.

Фокс нахмурился и, еще раз поклонившись, вышел.

И вот передо мной уже склонился в поклоне следующий юноша:

– Хейл Гарнер, ваше высочество.

– Добро пожаловать, сэр.

– От всей души благодарю вас за то, что пригласили меня в свой дом. Я надеюсь каждый день доказывать вам, что достоин вашей руки.

– Неужели? – удивилась я. – И как вы собираетесь сделать это сегодня?

– Например, сегодня я собираюсь сообщить вам о том, что происхожу из очень хорошей семьи, – улыбнулся он. – Мой отец в свое время был Двойкой.

– Ну и что с того?

Он как ни в чем не бывало продолжил:

– Полагаю, это не может не произвести впечатления.

– Но только не на девушку, у которой отец в свое время был Единицей. – Забавно было смотреть на его вытянувшуюся физиономию. – Вы свободны.

Он поклонился и направился к выходу, но на полпути остановился и, оглянувшись, сказал:

– Прошу прощения, ваше высочество, что оскорбил вас.

У него был такой печальный вид, что мне захотелось его успокоить. Но сегодня это никак не входило в мои планы.

Передо мной нескончаемой вереницей тянулись самые разные парни. Кайл оказался где-то в середине очереди. Он наконец-то удосужился пригладить волосы, и я получила возможность увидеть его глаза.

– Ваше высочество, – произнес он.

– Для тебя не ваше высочество, а королевский гвоздь в заднице, – поправила я Кайла, встретив его скептическую усмешку. – И как они к тебе отнеслись? По словам твоей мамы, в газетах судачат о том, что ты живешь во дворце.

Кайл растерянно покачал головой:

– Я боялся, что кучка ревнивых остолопов наверняка захочет хорошенько отмутузить меня, но оказалось, они искренне считают, что от меня больше пользы, чем вреда.

– Да неужели?

– Они думают, будто я уже знаю о тебе все. И все утро бомбардировали меня вопросами.

– А что именно ты им сказал?

Кайл криво усмехнулся:

– Что ты просто прелесть, само собой.

– Хорошо. – Я округлила глаза, не поверив ни единому слову. – Можешь продолжать.

– Послушай, я хотел бы еще раз извиниться за то, что назвал тебя капризулей.

– Ну, ты был в расстроенных чувствах, – передернула я плечами.

Он кивнул, согласившись с таким объяснением.

– И тем не менее это несправедливо. Я хочу сказать, не пойми меня превратно, но ты реально ужасно испорченная, – покачал головой Кайл. – И все же твое упрямство объясняется тем, что тебе приходится быть такой. Ведь рано или поздно ты станешь королевой. И я прекрасно вижу, как разворачиваются события во дворце. А поскольку на меня никогда не ложилось такой огромной нагрузки, не мне тебя судить.

Я вздохнула. Конечно, не мешало бы поблагодарить его, хотя бы из вежливости. Что ж, отлично, я буду вежливой.

– Спасибо.

– Не стоит благодарности.

Повисла длинная пауза.

– Э-э-э… Мужская гостиная там. – Я ткнула пальцем в сторону коридора.

– Ладно. Полагаю, увидимся позже.

Я усмехнулась себе под нос, заметив у него в руке тетрадь, которую он прятал за спиной. Да, приодетый и причесанный, Кайл выглядел вполне привлекательно и тем не менее оставался занудным книжным червем.

А вот вошедший после него юноша явно нет.

Его волосы цвета карамели были аккуратно зачесаны назад; он вошел, держа руки в карманах, словно чувствовал себя как дома в дворцовых покоях. Меня даже несколько ошарашили его самоуверенные манеры. Словно это не он, а я пришла на аудиенцию.

– Ваше величество, – обволакивающим голосом произнес он, склонившись в поклоне.

– Высочество, – поправила я его.

– Нет, зовите меня просто Ин. – Уголки его губ приподнялись в лукавой улыбке.

– Вы ужасны! – рассмеялась я.

– Пришлось пойти на риск. Тут ведь еще тридцать четыре парня. И как иначе добиться того, чтобы вы меня запомнили?

Он не сводил с меня горящих глаз. И только богатый опыт общения со сладкоречивыми политиками помог устоять против его чар.

– Рада познакомиться с вами, сэр.

– А я с вами, ваше высочество. Надеюсь, скоро увидимся.

Ина сменил парень с такой тягучей речью, что я ни слова не поняла. Следующий поинтересовался, когда ему заплатят. Еще один так сильно потел, что после его ухода пришлось попросить лакея принести полотенце вытереть руку, а другой на протяжении всей аудиенции тупо пялился на мой бюст. Словом, настоящее шоу уродов.

Ко мне подошел генерал Леджер:

– Если вы вдруг сбились со счету, то сейчас будет последний.

– Слава богу! – облегченно вздохнула я.

– Ваши родители просили зайти к ним, когда закончите.

– Если вы настаиваете. – Я выразительно посмотрела на генерала Леджера.

– Не сердитесь на них, – хмыкнул генерал Леджер. – У вашего отца сейчас и так полно забот.

– Это у него-то полно забот? А вы видели того потного парня?

– Но кто его осудит? Вы ведь принцесса. И в вашей власти приговорить его даже к смерти, если вам так будет угодно.

В блестящих зеленых глазах генерала Леджера плясали озорные огоньки. Он, несомненно, принадлежал к той категории мужчин, которые с годами становились только интереснее. Мисс Люси как-то показала мне их свадебную фотографию, и я могу смело сказать, что генерал Леджер с тех пор стал еще красивее. Правда, иногда в плохую погоду или минуту усталости он слегка прихрамывал, но это его нисколько не портило. Возможно, все объяснялось моей привязанностью к мисс Люси, которая его обожала, но генерал Леджер всегда был для меня вроде безопасной гавани. Если бы не присутствие папы с мамой, я наверняка спросила бы совета генерала, как отправить парней по домам. Ведь его глаза ясно говорили мне, что он найдет выход из любого положения.

– Кое-кто из этих ребят меня реально смутил, – призналась я.

Красивые слова, плотоядные взгляды… Нет, мне совершенно не нравилось, когда на меня смотрели как на ценный приз.

– Понимаю, очень странная ситуация, – сочувственно произнес генерал. – Но вам нет нужды оставаться наедине с тем, кто явно не приглянулся. Более того, вы со спокойной душой можете вывести из игры любого. И даже у самых тупоголовых хватит ума не обидеть вас. Пусть только посмеют – и я лично прослежу за тем, чтобы духу их здесь не было.

Он заговорщицки подмигнул мне и дал знак запускать последнего кандидата.

Я здорово удивилась, когда передо мной появился не один человек, а сразу двое. Первый был в строгом костюме, а вот второй – просто в застегнутой на все пуговицы рубашке. Тот, что попроще, шел в нескольких шагах позади первого, не поднимая глаз от пола. У парня в костюме была буйная шевелюра и улыбчивое лицо.

– Здравствуйте, ваше высочество. – Он говорил с сильным, незнакомым акцентом. – Как поживаете?

Обезоруженная его теплой улыбкой, я смущенно ответила:

– Хорошо. Вот только день выдался слишком длинным. Полагаю, и для вас тоже.

Парень за спиной моего собеседника наклонился к нему и прошептал на непонятном языке что-то такое, чего я не смогла разобрать.

Лохматый кивнул:

– О да, да… но мне приятно познакомиться с вами. – При разговоре он усиленно помогал себе руками, наверное считая, что так будет доходчивее.

Я наклонилась вперед, поскольку из-за сильного акцента теперь вообще ничего не понимала. Быть может, если сократить расстояние между нами, беседа пойдет более гладко.

– Простите?

И тут в разговор вмешался парень в рубашке:

– Он говорит, что счастлив познакомиться с вами.

Я растерянно прищурилась.

– Меня зовут Генри. – Патлатый поклонился, и я сразу поняла, что он собирался сделать это раньше, но забыл.

Мне вовсе не хотелось быть неучтивой, поэтому я вежливо кивнула:

– Привет, Генри.

Услышав свое имя, он просиял, перевел взгляд с меня на своего спутника и обратно.

– Я не могла не заметить ваш акцент, – стараясь говорить дружелюбно, произнесла я. – Откуда вы приехали?

– Э-э-э… Свенд… – начал он и беспомощно оглянулся на своего спутника.

Тот с готовностью кивнул и поспешил на помощь Генри:

– Сэр Генри родом из Свендея, поэтому у него очень сильный финский акцент.

– О… – растерянно протянула я. – А он, вообще-то, говорит по-английски?

Генри тотчас же воспрянул духом.

– Английский – нет, нет. – Он ничуть не смутился и даже весело рассмеялся.

– Интересно, и как тогда мы сможем узнать друг друга поближе?

Переводчик повернулся к Генри:

– Miten saat tuntemaan toisensa?

Генри ткнул пальцем в переводчика, который сказал:

– Видимо, через меня.

– Ну ладно. Хорошо. Хм.

Нет, это выше моих сил. А что, если сразу отсеять его? Очень неприлично с моей стороны? Боже, общение с этими людьми с глазу на глаз становилось ужасно утомительным. А к присутствию третьего я вообще оказалась не готова.

И тут я вспомнила анкету Генри. Ага, вот откуда там орфографические ошибки. Похоже, он пытался угадать, как правильно писать.

– Благодарю, Генри, мне тоже было приятно с вами познакомиться.

Услышав свое имя, он улыбнулся, и я поняла, что слова не имеют значения. Нет, я никак не могла отослать его домой.

– Мужская гостиная дальше по коридору.

Переводчик что-то пробормотал, Генри поклонился, и они вместе вышли из комнаты.

– Генерал Леджер! – закрыв лицо руками, позвала я.

– Да, ваше высочество?

– Передайте папе, что я встречусь с ним через час. Мне необходимо прогуляться.

Глава 10

Итак, первый день, первый званый обед и первый вечер прошли без особых происшествий. Все камеры были направлены на обеденный зал, и я слышала тоскливые вздохи кинооператоров. Я не общалась с Избранными, а юноши так нервничали, что даже не переговаривались между собой.

Мне казалось, что я слышу папины мысли так же отчетливо, как если бы они были моими собственными.

Тоска зеленая! Никто не захочет это смотреть! И как такая скукотища поможет нам получить хоть секундную передышку, уж не говоря о трех месяцах!

Я несколько раз ловила на себе папин взгляд, умолявший сделать хоть что-нибудь, что угодно, лишь бы разнообразить вечер. Но я была в растрепанных чувствах. Мне не хотелось подводить папу, но любое проявление участия с моей стороны станет нехорошим прецедентом. Они должны знать, что я не собираюсь рассыпаться перед ними в любезностях.

И я велела себе расслабиться. Утро вечера мудренее.

На следующий день парадно одетые юноши собрались для торжественного шествия. На передней лужайке целая армия зевак была готова криками поддержать нас, когда мы выедем из ворот.

Папа очень гордился этой задумкой, которая была моим единственным вкладом в проведение Отбора. Я решила, что торжественное шествие внесет некоторую новизну. И уж точно даст пищу для разговоров.

– Доброе утро, ваше высочество, – поздоровался со мной один из кандидатов.

Я мгновенно вспомнила Ина и нашу вчерашнюю беседу. Ничего удивительного, что именно он стал первым, кто со мной заговорил.

– И вам того же. – Я, не замедляя шага, прошла мимо, не обращая внимания на парней, которые усердно кланялись или выкрикивали мое имя.

– Нам предстоит сделать короткий круг, ваше высочество. При скорости десять миль в час на все про все уйдет минут двадцать-тридцать. На протяжении всего пути выстроены гвардейцы. Народ ликует, должно получиться очень весело.

Я невозмутимо сложила перед собой руки:

– Благодарю вас, офицер. Я ценю ваш вклад в проведение мероприятия.

Он крепко сжал губы, пытаясь скрыть счастливую улыбку:

– Рад стараться, ваше высочество.

Гвардеец собрался было отойти, но я подозвала его к себе. И он, крайне довольный, что я нуждаюсь в его услугах, гордо выпятил грудь. Я оглядела толпу молодых людей, огорошенная их количеством, и попыталась сделать правильный выбор.

Увидела развевающуюся на ветру непокорную шевелюру Генри и улыбнулась про себя. Он стоял несколько поодаль группы парней, прислушивался к тому, что они говорят, и охотно кивал, хотя, голову даю на отсечение, ничегошеньки не понимал из происходящего вокруг. Переводчика рядом не было. Очень странно. Неужели Генри отпустил его на сегодняшний день?

Я продолжила выискивать жертвы… И неожиданно для себя обнаружила парня, который реально умел носить костюм. Не то чтобы он был похож на модель, однако, несомненно, знал секреты хорошего кроя. Более того, он явно усадил своего слугу за шитье костюма специально для этого случая. И конечно, я не могла обойти вниманием его двуцветные туфли. Слава богу, что я запомнила имя этого парня.

– Пожалуйста, когда я к ним присоединюсь, то хотела бы, чтобы по левую руку от меня стоял мистер Гарнер, а по правую – мистер Йакоппи.

– Будет сделано, ваше высочество. Я лично прослежу.

Я отвернулась и бросила взгляд на платформу на колесах. Они взяли раму от рождественской платформы и украсили ее тысячами цветов. Получилось очень нарядно и красочно, а воздух был напоен сказочным благоуханием. Я сделала глубокий вдох – и чистый, сладкий запах мгновенно проник буквально в каждую клеточку тела.

Из-за стен до меня донеслись радостные крики собравшихся поглазеть на невиданное зрелище людей. Если вчера я и оплошала, то сегодня все мои ошибки будут с легкостью забыты.

– Ну ладно, джентльмены. – Звучный голос генерала Леджера перекрыл стоящий во дворе шум. – Я хочу, чтобы вы выстроились вдоль дорожки, и мы поможем вам

забраться наверх.

Мама стояла в сторонке рядом с папой. Он поднял несколько упавших цветков, вставил ей в волосы и отошел на пару шагов снять происходящее на камеру, а она с обожанием посмотрела ему вслед.

Он сделал множество снимков парней, затем сфотографировал фонтан, потом запечатлел и меня тоже.

– Папа! – одернула я его.

Он смущенно заморгал, но продолжил снимать, хотя и не так открыто.

– Ваше высочество, – генерал Леджер положил руку мне на плечо, – вы подниметесь последней. Я слышал, вы хотели, чтобы возле вас стояли Генри и Хейл. Все верно?

– Да.

– Хороший выбор. Очень воспитанные юноши. Ну ладно, через секунду нам пора идти.

Затем он подошел к маме и что-то ей сказал. Мама явно была чем-то смущена, и, судя по выразительной жестикуляции, генерал Леджер пытался ее разубедить. Папину реакцию разобрать оказалось гораздо сложнее. Или он вообще не волновался, или очень грамотно скрывал свои чувства.

Юноши поднялись по лестнице на платформу, а я в ожидании своей очереди нетерпеливо расхаживала взад и вперед. Внезапно я заметила среди гвардейцев и гостей переводчика Генри, который, скрестив руки на груди, наблюдал за происходящим. Заметив, что он нервно грызет ноготь, я осуждающе покачала головой.

– Этого не следует делать, – проходя мимо, строго сказала я. – Вы ведь не хотите, чтобы вас сняли на камеру с пальцем во рту?

Он послушно опустил руки:

– Простите, ваше высочество.

– А разве вы с нами не подниметесь? – кивнула я на массивную платформу.

– Нет, ваше высочество, – улыбнулся он. – Полагаю, помахать публике можно и без переводчика.

И тем не менее он явно нервничал.

– Генри будет стоять рядом со мной, – решила успокоить я парня. – А уж я постараюсь объяснить ему, что к чему.

Переводчик облегченно вздохнул:

– Тогда все не так страшно. Ему понравится. И вообще, он только о вас и говорит с утра до вечера.

– Больше чем на один день его наверняка не хватит. Все проходит, и это пройдет, – рассмеялась я.

– Ну, не скажите. Он от вас без ума. Правда-правда. Знакомство с вами целое событие для него. Его семья упорно трудилась, чтобы встать на ноги, и уже одно то, что он оказался во дворце, где вы можете подарить ему хотя бы секунду вашего драгоценного внимания… Он так счастлив.

Я бросила взгляд в сторону Генри, который, поправляя галстук, топтался возле платформы:

– Это он сам вам говорил?

– В общих чертах. Хотя все понятно без слов. Он понимает, как ему повезло, и видит ваши несравненные достоинства. О чем не устает мне твердить.

Я грустно улыбнулась. Как жаль, что Генри не способен выразить мне свои чувства.

– А вы тоже родом из Свендея?

– Нет, – покачал головой переводчик. – Я представитель первого поколения, родившегося в Иллеа. Однако родители пытаются сохранять традиции и придерживаться прежних обычаев, поэтому мы живем в небольшой свендейской общине в Кенте.

– В такой же, как и Генри?

– Да, сейчас такие общины очень распространены. Когда Генри стал Избранным, его родственники кинули клич, что требуется надежный переводчик, я представил свое резюме, прилетел в Соту – и вот, пожалуйста, получил работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Здесь обыгрывается название рок-группы «Chasing Yesterday». – Здесь и далее примеч. перев.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kira-kass/naslednica

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить